

На краю
серого моря

Дарья Тарасова

Дарья Тарасова

На краю серого моря

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72307666

SelfPub; 2025

Аннотация

Молодой и амбициозный Велиан приезжает в старинный особняк, чтобы реализовать план, который мог бы изменить его жизнь. Но вместо ожидаемой встречи с семьёй погибшего сослуживца он находит лишь пустой дом и таинственного призрака – Прозерпину, сестру покойного.

В попытках разобраться в происходящем, Велиан всё больше сближается с девушкой. Но вскоре оказывается пленником не только этого странного места, но и собственного прошлого.

Что скрывает дом, окружённый туманом, и его призрачная хозяйка? И какова истинная цель Велиана, приехавшего сюда?

Готическая драма с элементами мистики, в тумане которой можно потеряться навечно.

Содержание

Пролог	4
Часть I. Туман.	6
Глава 1	8
Глава 2	23
Глава 3	47
Глава 4	63
Глава 5	83
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Дарья Тарасова

На краю серого моря

Пролог

Грохот и крики смешались с огненно-чёрным небом в единую гармонию хаоса. Где-то были слышны выстрелы, где-то – топот бегущих ног, где-то – песни полевых цветов... Но громче всего сердце стучало в висках, укрывая большие карие глаза серой вуалью безвременья.

Он лежал на горячей, дымящейся от боли и крови земле. Соломенно-зелёная форма увядала и багровела, всё сильнее прилипая к коже. Тело почему-то больше не слушалось, оставаясь недвижимым каменным изваянием, запечатанным посреди примятой, опалённой травы. Мысли блуждали где-то далеко, среди ярких жемчужных звёзд ночного неба.

Боль предательства обожгла сердце, но лишь на мгновение – в следующее уже ничего не чувствовалось.

Вот бы сейчас оказаться дома, где всегда так уютно и тепло. Где готовят вкусные обеды, а в гостиной пахнет книгами. Где родные руки обнимают его, а мягкая синева глаз искрит-

ся радостью.

Почему сейчас, посреди всего этого огня, ему так холодно? Так по-зимнему холодно и одиноко...

Зато совсем скоро он будет дома.

Вот бы он оказался дома.

Вот бы ещё хоть раз только их увидеть.

Вот бы знать, что всё это не зря и что у них всё хорошо, что у неё всё хорошо...

Жаль только, что они, видимо, его уже не дождутся.

Но, может, быть может ещё...

Тёмные короткие волосы, слипшиеся от крови, колыхались в дуновении горячего солёного ветра. Из-за пепельно-чёрных туч, словно протягивая вниз свои хрупкие руки, прорезался свет и мягко провёл по лицу своими тёплыми пальцами. Глаза увидели свой последний луч солнца и навсегда запечатлели его осколок в своей глубине.

Часть I. Туман.

Море по лесу царственно бродит,
Огибая всемирное древо,
Ореолом солнце восходит,
Ведь не море то, – вечное небо.

Горным рекам не влиться в те воды,
Не причалить, подплыть, подойти.
Лишь счастливым дана та свобода,
Что откроет господни пути.

Но река все хочет быть морем,
Бьется в гневе о каменный брег,
Льется пена бурлящей слезою
Из-под пресных заплаканных век.

И все моет морскую породу,
Дабы в воды свои её взять,
Но вмешательств не терпит природа,
И вбирает не соль, а лишь грязь.

А в тумане заветных желаний
Не различно, где явь, а где сон,
И, оставив на дне все страдания,

В иссушеньи найдет свой покой.

Глава 1

Под ногами земля омерзительно хлопала. Каждый шаг по холодной похлёбке из травы и грязи оставлял во рту привкус сырости и серости. Не иначе как, недавно здесь прошёл дождь, а ещё вероятнее, проскакал бешеным галопом три круга, сделал два поворота и расстелился плашмя по всей долине.

Воздух был густой и влажный, а юбки тумана обрамляли полосу тяжёлого, уставшего неба. Довершал атмосферу тот не поддающийся сомнению факт, что местное правительство на законодательном уровне запретило пейзажу использовать в своём образе больше трёх цветов за раз. Серое небо, землисто-бурые камни и скалы, опоясывающие пространство, словно старая картинная рама с захламленного чердака, и изумрудная зелень, сливающаяся в монотонное полотно, куда ни посмотри. Иначе это было не объяснить.

Неужели у кого-то могут быть славные и ТЁПЛЫЕ воспоминания об этом месте? Слабо верится. Но кому-то здесь точно сулит счастливое или хотя бы безбедное будущее, а это главное.

С этими мыслями по жалкому подобию дороги, чьи края и направления лишь угадывались внимательным путником, шёл молодой человек, раздражённо выдёргивая обутые в туфли ноги из засасывающей их грязи. Его брюки, неко-

гда благородного цвета молочного шоколада, были насквозь мокрыми по щиколотку, и это не могло не злить педантичного юношу. Светлая рубашка уже давно смялась и поникла, но, к счастью, её прикрывал удлинённый пиджак в цвет брюк, наименее пострадавший от путешествия по местным красотам. Левой рукой юноша сжимал поля невысокой тёмной шляпы, чтобы, не приведи господь, она не свалилась в эту жижу под ногами, а аккуратно уложенную причёску не распушил туман своим шершавым языком. Правой руке повезло меньше – она онемела и грозилась в любой момент отмереть от тяжести упитанного красного саквояжа из овечьей кожи.

Молодой человек явно не принадлежал этим местам, о чём они неустанно ему напоминали в самых нескромных выражениях и проявлениях. И все же он шёл.

План в голове юноши был невообразим и одновременно невероятно прост. Именно этот назойливый план подгонял и пинал его в глубь долины, даже когда в десятый раз пронеслась мысль всё бросить и вернуть свои лёгким возможность дышать чем-то, кроме слякоти. Коварный план вырос в высоченную и безграничную каменную стену за спиной, не давая ему ступить ни шага назад. Этот сладкий план был ярким потусторонним цветком, благоухающим новым пятном на фоне этого монотонного пейзажа. Гениальный план привёл юношу к единственному на несколько километров строению, возвышающемуся песчаной горой из камня над поля-

ми тумана.

Количество камней в кладке стен, не обитых плющом, можно было пересчитать по пальцам одной беспалой руки. Двор и тропинка к дому были вымощены камнем цвета стен и для случайно забредшего гостя служили причалом, позволяющим сойти на берег с вод грязно-зелёного моря. Большой двухэтажный особняк был чересчур амбициозной претензией на готический стиль, но всё же обладал своим шармом. Плоскую крышу обрамляла диадема из черноватых пинаклей, а своды окон, словно шапкой, были покрыты узорами, издавна похожими на паутину. Широкий арочный вход с бурой двустворчатой дверью был притянут к правой стороне здания, и этот элемент, пожалуй, был единственным, нарушавшим почти идеальную симметрию фасада. Всё вместе не вызывало у юноши восторга, но всё же дом был самым богатым в округе, да и побогаче многих, где юноше приходилось бывать ранее.

Оказавшись в пятидесяти метрах от парадного входа и ощутив сушу под ногами, молодой человек брезгливо поставил саквояж на дорожку и сделал отчаянную попытку привести себя в порядок. Он остался крайне недовольным результатом и понадеялся на снисходительное отношение местных поселенцев к моде, после чего открыл саквояж и бережно, словно хрустальную статуэтку, достал небольшой брезентовый свёрток, обернутый поверх старым плащом. Юноша аккуратно извлёк содержимое – несколько сложенных листков,

тонкую коричневую книжечку и орден в форме тёмно-золотой звезды; скрупулёзно просмотрел все бумаги, снова обернул брезентом и пихнул подмышку, убрав плащ обратно в саквояж. С багажом и ценным свёртком он вплотную подошёл к массивной двери и прислушался. Только сейчас он осознал, что и в доме, и в округе всё это время стояла абсолютная тишина. Не в силах больше терпеть её тяжесть, юноша дёрнул за насквозь мокрую верёвку дверного звонка, заставляя ржавый колокол заскрипеть и нарушить царившее безмолвие. Но тишина ушла ненадолго и, подождав полминуты в стороне, заняла своё привычное место. Он повторил попытку привлечь внимание жильцов большого дома к входной двери, но снова безуспешно. И снова...

Не дождавшись никакой реакции, юноша робко потянул ручку двери – дверь не поддавалась. Судя по всему, раскрыть свои объятия для гостя ей мешал закрытый изнутри затвор. Робость стремительно перетекала в недоумение, и молодой человек попытался заглянуть в ближайшее к двери окно, узкое и растянувшееся почти во всю высоту первого этажа. Пришлось запачкать левый рукав пиджака, дабы очистить небольшую часть стекла от грязи, но эта жертва не была вознаграждена. То ли окно было прикрыто занавеской, то ли его заслоняла какая-то мебель – рассмотреть что-то конкретное во внутренней обстановке не удалось. А недоумение тем временем начинало греться, медленно, но верно вскипая до возмущения.

– Прошу прощения! Есть кто дома? – достаточно громко, чтобы в доме услышали, но не слишком отчаянно крикнул молодой человек, однако тишина не ответила.

– Меня зовут Велиан Дюрер, уверен, вы захотите меня выслушать! – но никто не представился в ответ.

«Да куда, чёрт побери, все запропалились?»

Даже если чудаки-хозяева в такую погоду уехали ловить лягушек на болото, то чем мается прислуга?»

Велиан пытался найти ещё хоть одну возможную причину отсутствия хозяев, которые непонятно куда могли подеваться в этой глуши, но не мог.

Ничего лучше не придумав, Велиан стал обходить дом, безрезультатно заглядывая в каждое окно. Однако, дойдя до торца, он так и не смог повернуть за угол, чтобы заметить притаившуюся под навесом заднюю дверь, – его взгляд остался прикован к горизонту десятитонной цепью. Он не сразу понял, что так ошарашило его в открывшемся с заднего двора пейзаже: сам двор не представлял из себя практически ничего – несколько деревьев и кустов с лавочками, навес с укрывшимися под ним вазонами без цветов, каменная кладка, вытянувшая свой подол на несколько метров от дома, и все то же вездесущее зелёное поле. Странно было другое – трава виднелась лишь неширокой лентой, оборванной с одного края, а за ней было разлитое стальное море тумана, которое бесшовно сливалось в одно целое с небом. Горизонта словно не было, вот что выглядело так притягиваю-

ще-неестественно.

Не в силах оторвать взгляд хоть на секунду, Велиан стал шаг за шагом подходить ближе к туману: сначала по скользким камням, затем по мягкой мокрой траве. Слегка отклонившись, он обогнул одинокий колышек, криво высунувшийся из земли почти у самого края зелёной полосы. То ли внутренний крик, то ли небесное провидение заставили Велиана остановиться на полушаге и остаться стоять ногами на траве, не давая им ступить в туман. Он всмотрелся внимательнее: серая дымка тонким, но плотным одеялом струилась сквозь изумрудные травинки, растекаясь по земле, как сироп по свежеиспечённым оладьям, и втекала в туманное море.

Порыв ветра, слизнув с моря дымку и обнажив острые как зубы бурые скалы, заставил Велиана в ужасе ахнуть и отшатнуться на несколько шагов назад. Там, где заканчивалась травяная лента, был резкий обрыв, высоту которого можно было только угадывать, но разверзнутый оскал не сулил надежд на выживание.

«Неужели они тут так беззаботно живут прямо на краю смертельного обрыва? Почему он мне ни разу не говорил?»

У Велиана заплетались мысли, а ветер тем временем стих и прореха, открывшая истинную сущность стального моря, быстро затянулась серыми облаками.

«Да уж, и этот жалкий колышек должен был предупредить об опасности? Да о ней нужно кричать прямо в ухо, а

не тихо лепетать в пятки!»

Любой не слишком внимательный гость мог бы с легкостью споткнуться об эту дымку и утонуть здесь навсегда...

Животный страх за свою драгоценную шкуру, перешагнув через возмущение, вскоре обернулся любопытством, и Велиан снова приблизился к краю, аккуратно заглядывая в пучину облаков. Тяжёлые тёмные тучи как киты лежали вплотную друг другу, заполняя собою все пространство от дна пропасти до горизонта и ввысь в небо, насколько хватывал взгляд, а блеск их стальных боков был почти что манящим. Потерявшись в этом блеске на несколько мгновений, Велиан рьяно встряхнул головой, напоминая самому себе о цели его пребывания в этом странном месте. С трудом он заставил себя оторвать взгляд от горизонта и осмотреть дом в поисках задней двери. Эта дверь была сестрой парадной, но более стройная и с причудливой фигурной прорезью из желтого стекла, украшенной извивающимися золотыми лозами. Несмотря на упадническое состояние особняка и тщательно скрываемое убожество вкусов его владельцев этот странный декор показался Велиану весьма привлекательным и даже элегантным. Быть может, еще и потому, что золотая лоза на двери наименее пострадала от вездесущих плесени и грязи и была словно последняя ниточка света в этом царстве угрюмости.

На этот раз робость не помешала Велиану, и он уверенно, громко и практически бесцеремонно постучал в дверь, глухо

отозвавшуюся в ответ.

«Ну уж нет, я не для того плыл на старой посудине, ночевал в похожих на хлев гостиницах, а потом ещё чуть не утонул в этой грязище, чтобы теперь остаться ни с чем!» – настолько громко подумал Велиан, что часть гневных слов-таки просочилась сквозь черепную коробку и сорвалась с губ.

Он яростно дёрнул одну из литых фигурных ручек, готовый сорвать безмолвную дверь с петель, но она лишь тихо щёлкнула и безропотно отворилась. Отсутствие сопротивления удивило его намного больше, чем если бы дверь не поддавалась вовсе, и он несколько секунд притуплённо смотрел в открывшийся его взору мрачный коридор. В очередной раз не услышав никакой реакции от дома, он сделал робкий шаг внутрь – в дом не проникало ни единого лучика света и было ещё темнее и тише, чем на улице, что казалось совершенно невозможным. Велиан обернулся – снаружи почти мгновенно стемнело, облака стали наливаться тяжёлым металлом, как перед грозой, но ни одна капля не сорвалась с их уставших глаз.

Велиан сделал несколько неуверенных шагов по каменному полу, звонко цокая каблуками, и ещё раз окрикнул:

– Извините, дверь была открыта... Здесь кто-нибудь есть?

Дом будто целиком проглотил его голос, не оставляя ни эха, ни ответа.

Глаза Велиана постепенно привыкли к темноте. Он оставил саквояж у двери, продолжая сжимать свёрток в руках,

и осмотрелся: впереди длинного каменного тоннеля виднелась парадная дверь – холл был сквозной; слева вдоль серой стены наверх уходила широкая прямая лестница из тёмного дерева; справа от Велиана почти вплотную к задней двери примыкала высокая арка, ведущая в гостиную; рядом с парадным входом виднелась такая же арка – там коридор изгибался буквой «Г» и тянулся куда-то вглубь дома. Не считая нескольких непримечательных картин в деревянных рамах и двух ваз коридор выглядел бледно.

Велиан шагнул в гостиную. Комната производила поистине кровавое впечатление: ровные стены были обтянуты красными обоями с мелким цветочным узором, мебель из резного чёрного дерева была обита алым гобеленом, а на полу лежал ворсистый бордовый ковёр с восточным рисунком, который покрывал собой почти всё пространство гостиной. Посередине стены стоял высокий камин из чёрного камня, а по обе стороны от него росли стеллажи, до отказа забитые книгами с обложками всех цветов и языков. Вытянутые окна на противоположной стене выходили в сад, но были закрыты тяжёлыми занавесками цвета запёкшейся крови. При всем многообразии красных оттенков атмосфера комнаты оставалась холодной и сухой.

Велиан тихо прошёлся по комнате – ковёр проглотил стук его каблучков целиком – оглядел ряды книг, не решившись к ним прикоснуться, заглянул за шторы и в камин.

«Странно, что ещё не начали топить. Тут довольно-таки

зьябко».

Затем он прошёл в арку на другом конце комнаты – за ней была просторная столовая, а после начиналось укромное крыло слуг и кухня. Эта комната, безусловно, заслуживала куда более тщательного осмотра, но сейчас не была главной в мыслях Велиана. Он вернулся в столовую и оказался перед двумя арками – одна вела из гостиной, откуда он пришёл, а вторая из каменного коридора, ползущего вдоль фасада дома. Между ними притаился уютный камин из белой лепнины. Велиан нырнул в правую арку, прошёл через почти пустой каменный тоннель с окнами, занавешенными бархатными шторами грустно-изумрудного цвета, вышел обратно в холл и, замкнув так круг по особняку, вернулся в кроватную гостиную. Первый этаж не подавал никаких признаков жизни, – в кухне явно уже некоторое время не витали ароматы супов и десертов, за столом не велись оживлённые беседы, стены не отражали стук каблуков по камню коридоров, а каминны позабыли тепло огня. Да и вообще, кроме присутствия злого остроумия архитектурной мысли, сотворившей это строение, дом казался пустым. Все это никак не поддавалось объяснению, ведь Велиан был настроен на тёплый прием.

Велиан наконец оставил свою поклажу и шляпу на небольшом кофейном столике, стоявшем в гостиной рядом с высокими креслами у камина, и вышел в холл. Некоторое время он не решался ступить на лестницу, ведущую на второй

этаж, но любопытство пересилило. Каждая ступенька отдавалась резким скрипом в ушах и ускоренным стуком в сердце. Казалось, что эта лестница тянется бесконечно, с каждым шагом вырастая все выше и выше за пределы крыши особняка – туда, в чёрно-серое небо. Пройдя сквозь бесконечность, Велиан приземлился на втором этаже всё того же дома посреди ничего, и ощущение, так непонятно и неожиданно настигшее его при подъёме, так же неожиданно испарилось. Второй этаж оказался не живее первого – хозяйская спальня, три спальни поменьше, детская, большая ванная комната и крыло (вернее сказать, скромный закуток) прислуги, и все абсолютно также пусты и бездушны. Дом, на который Велиан возлагал такие большие надежды и ожидания, был совершенно мёртв.

– Не может такого быть. Что здесь могло произойти? Куда все подевались? Не похоже, что они переехали, но и на то, что кто-то здесь живёт, тоже не похоже. Может, я не туда пришёл? Но это, черт побери, единственный дом во всей этой треклятой долине, это точно он! – вслух размышлял Велиан, спускаясь обратно в гостиную. – Зря я в городе никого не расспросил о них, но тогда бы это могло вызвать подозрения и сорвать мой план... Если они все здесь провалились сквозь землю, это может осложнить задуманное. Или, наоборот, упростить? Хм...

После длительного путешествия Велиан не мог терпеть

холод гостиной дальше, поэтому достал со дна поленницы два сухих бревна, кинул в камин, в котором валялись несколько старых засохших углей, тут же развалившихся на мелкие кусочки, и развёл огонь спичками, что лежали на каминной полке. После армии он уже никогда не забудет, как разжигать огонь с одной спички, да и не только это... Впрочем, пары брёвен надолго не хватит, но в таком большом доме наверняка должен быть приличный запас дров. Ноги Велиана изнывали от продолжительной ходьбы, ещё и в сырых туфлях, да и сам он был слишком утомлен, поэтому поиск ужина для камина, как и самого себя, был отложен. Велиан упал в стоявшее рядом с камином красное кресло с высокой спинкой, скинув туфли и вытянув ноги к огню. Лишь на мгновение прикрыв глаза, он сам не заметил, как провалился глубже в мягко-жесткое кресло и его голову захватил беспокойный сон.

Юноша презрительно кинул стопку только что выданного несвеже-белого постельного белья на хлипкую металлическую койку и, скривившись, осмотрел казарму. В комнате с высокими потолками и приклеенными к крыше окнами стояло еще 20 таких же коек, возле которых мялись новобранцы – чьи-то взгляды были полны твёрдости, глаза других выда-

вали страх.

Но только глаза юноши излучали гнев: «Чёртов старикашка! Какое право он имел решать мою судьбу? Из-за него я загнан сюда, как собака! Нет! Как скот на убой! Ох, выберу я отсюда, уж я найду на него управу, уж я придумаю, как отомстить. А если уже не вернусь?!»

Нога невольно подогнулась, чтобы выместить злобу на ножке кровати, но тут на соседнюю койку с шумом плюхнулась другая стопка белья.

– Здравствуй! Будем соседями, получается, рад встрече. – Рядом с юношей возвышалась широкоплечая фигура темно-волосого юноши с крупными привлекательными чертами лица. – Меня зовут Сильван Макваллен, а тебя?

– Я... – онемев от неожиданности, юноша не успел ответить, прерванный громким возгласом командира роты.

– Фурхо! – громогласно крикнул коренастый командир с другого конца казармы.

– Да, командир! – Юноша быстрым шагом подлетел к старшему по званию.

– Вот, держи своё удостоверение. В канцелярии была какая-то путаница с твоими документами, но они разобрались. Не теряй. Марш на место! – звонким басом прогремел командир и, окинув взглядом новобранцев, вышел, шумно шаркая каблуками.

Сникнув ещё сильнее, юноша вернулся к своей койке и, раздражённо помяв в кулаке, закинул небольшую книжечку

под подушку.

– Так значит, Фурхо. Необычное имечко! – улыбаясь, сказал сосед, продолжая заправлять свою койку.

– Не смей меня так звать! – несдержанно резко вырвалось у юноши, а о взгляд его пылающих золотистых глаз сослуживец чудом не обжёгся.

Каждой клеточкой своего тела юноша не принимал и ненавидел это имя.

– Так как, бишь, тебя называть? – поначалу немного оторопев, чуть мягче спросил сосед с лёгкой располагающей улыбкой.

– Велиан. Просто Велиан, – остыв, тихо ответил юноша и пожал протянутую ему крепкую гладкую руку Макваллена.

Порыв морозного ветра с душераздирающим завыванием ворвался в гостиную, заставив Велиана очнуться ото сна и резко вскочить на ноги. По всему телу юноши пробежали мурашки – в камине дотлевали последние угольки, а в комнате царил темнота – но причиной пробирающего холода и мрака было как будто что-то иное. Не в силах пошевелиться, Велиан попытался хоть немного урезонить бешено колотящееся сердце, пока оно вовсе не остановилось от звука проникающего под кожу стеклянного женского голоса:

– Кто вы такой?

Помедлив пару секунд, Велиан жадно втянул воздух и обернулся всем телом, тут же в оцепенении выпустив весь собранный кураж. Перед ним, сливаясь с проникшем сквозь щель штор лунным светом, стоял призрак девушки.

Глава 2

Велиан с трудом разомкнул тяжёлые веки – он полулежал в кресле перед камином, соскользнув с него во сне и оказавшись практически раскинутым на полу. Комната никак не выдавала присутствие дня, хотя юноша был уверен, что проспал всю ночь. Он сбросил укрывавший его колени тонкий плед, надел туфли и подошёл к грозно нависающим над всей комнатой шторам. Прочувствовав на своих плечах всю их багровую тяжесть, он резким движением откинул полы во весь размах своих рук. В мгновение юноша был ослеплен леденяще-белым светом, который, смывая со стен кровь и оставляя за собой вполне уютную гостиную, наводнил комнату. Зажмурив ужаленные глаза, Велиан с хрупкой надеждой подумал, что выглянуло солнце, вкус которого его кожа уже позабыла, но в следующую секунду окунулся в разочарование – за окнами был всё тот же серый пейзаж.

Понаблюдав некоторое время за переливами туч и осмотрев унылость внутреннего двора, Велиан размял затёкшие после сна в неудобной позе конечности и задумался:

«Надо же, уснул в незнакомом доме, в кресле, где это видано! Но я так устал с дороги, что спал как убитый... Хотя, я что-то помню... Бр-р, этот особняк такой странный и жуткий, что приснилось, будто тут водятся привидения. Да уж, Велиан, ты видел места куда хуже, не говоря уже о месяцах

на войне, а тебя вывел из равновесия заброшенный дом».

Попытки мозга собраться с мыслями и придумать, как действовать дальше, были прерваны другим органом – сердце юноши дрогнуло, потеряло равновесие и упало со своего положенного места в кожаные туфли. Его вещей не было. Он абсолютно отчётливо помнил, как положил свёрток и шляпу на кофейный столик, но тот был пуст. Сердце в миг очнулось от обморока, поднялось обратно в грудь и начало колотить тревогу. Велиан быстрым взглядом осмотрел комнату, но в остальном она никак не поменялась со вчерашнего вечера. Тихо ступая, юноша вышел в холл, но его саквояжа там тоже не обнаружилось. Ребра заходили ходуном в такт с сердцем, не выдерживая напора его бешеных ударов.

«Я бы ни за что не забыл, если бы переставил куда-то вещи. Значит, это мог быть кто-то другой, кто, так же как и я, проник в дом через открытую заднюю дверь. Болван, почему я её не запер?! Почему вообще кто-то будет оставлять дверь открытой в доме, откуда все уехали? Да и куда, и почему все уехали? Что, чёрт возьми, здесь происходит?»

Паника подступала к горлу Велиана, пока он метался по каменному холлу, судорожно подёргивая руками.

«А если это какая-то ловушка местных преступников? Ждут, когда в дом заявятся гости, и обкрадывают, пока те мирно спят и думают, что они одни? Нет, этого не может происходить, не должно! Может, они ещё не успели далеко уйти, и я сумею как-то договориться с ними? Могут оста-

вить себе саквояж, мне нужен только свёрток, бумаги! Без них мой план, нет, я – обречен!»

Опутанный нитями отчаяния, Велиан стоял в ступоре, уставившись на парадную дверь, которая в начале вчерашнего дня казалась ему интересным архитектурным антиквариатом, но теперь была ненавидима всеми фибрами, ведь не смогла отвести его от проклятого дома. Петля уже затягивалась на горле, делая труднее каждый последующий вдох, но тут по спине Велиана пробежал холодок, и он почувствовал, что сзади на него кто-то смотрит. Подозревая, что это может быть тот самый вор, со смесью гнева и страха он приготовился на самые лестные уговоры и на самую жестокую борьбу в случае отказа. Слишком долго он верил в успех своего дела, мысленно уже смакуя успех и богатство, чтобы возвращаться к прежнему или опять начинать что-то заново. Терять ему больше нечего. Пролистывая в голове всевозможные стратегии ведения переговоров, а заодно подходящие в качестве оружия предметы поблизости, Велиан настроил голос на самый дружелюбный, но твердый тон и обернулся:

– Не думал, что я здесь не од...

Распахнутые в приветственном жесте руки так и застыли в воздухе, а самая очаровательная в арсенале молодого человека улыбка скривилась в ошарашенную гримасу, застывшую на его окаменевшем лице. Перед ним на середине лестницы, словно снег посреди корявого леса, стояла девушка-при-

зрак, взирающая на него уставшими и слегка встревоженными глазами. Та самая, что привиделась ему в кошмаре. По крайней мере, до этой минуты он был уверен, что это был всего лишь дурной сон, навеянный впечатлениями от этого странного места, ведь ни в какую чертовщину и дешёвую мистику он не верил. Лишь размазанными картинками он помнил, как в детстве мать читала ему всякие мудрёные сказки и мифы, но эти воспоминания были давно заложены почти непроницаемыми баррикадами. Теперь же сомнений, что перед ним стоит потустороннее создание почти не оставалось. И девушка, и ее одеяния были как ледяное изваяние – холодно-молочные, даже полупрозрачные, и один только её вид окутывал сердце одеялом печали и скорби.

«Может от вчерашней сырости я подхватил простуду? И сон в холодном доме мне явно не пошёл на пользу. Сейчас у меня, должно быть, жар и бред. Я видел такое у парней в госпитале, говорили в поту со всякими дамами и родственницами, которых там рядом и в помине не было. Но я-то здоровьем не обделен, сваливался лишь пару раз за всю жизнь – после ранения и совсем давно, в детстве...»

Его внутренний монолог был бесцеремонно прерван бредовым видением в облики девушки.

– Доброе утро. Ещё раз требую от вас объяснений, кто вы и что делаете в мо... в этом доме.

Возбуждённые доселе сомнения стали постепенно отпускать, потому что по непонятной причине Велиан чувствовал,

что всё это по-настоящему. Этот прозрачный и холодный как горный ручей голос, это лицо, которое при снежной седине длинных волос казалось молодым, но очень печальным, этот заброшенный дом, лишённый жизни, но заселённый смертью... Велиан был готов скорее поверить в ложную природу представлений о паранормальном у всего разумного человеческого мира, чем в ошибочность собственного сознания. А раз призрак реален, то реальна и опасность, которую он может представлять. И снова каруселью вспышек стали проносятся обрывки историй и рассказов про неупокоенные души, изгнание духов и прочие выдумки мистиков и культистов, но такие ли это теперь выдумки? Молчание тем временем, затянувшись почти на минуту, начинало давить своим присутствием, но девушка, казалось, этого не замечала и терпеливо ожидала ответ.

– Велиан Дюрер моё имя. И вам доброе утро.

Откашлявшись, сказал Велиан, не придумав ничего лучше, чем поддаться этому мороку. Он попытался натянуть обратно свою обезоруживающую улыбку, но вышло криво. Девушка выжидающе смотрела, вынуждая его продолжить свою речь.

– Я не знал, что в этом доме кто-то есть. Я звонил несколько раз, но никто не открыл, а задняя дверь была не заперта, и я осмелился войти. Хотел удостовериться, всё ли в порядке у достопочтенных хозяев этого великолепного дома.

– Если вы пришли только за этим, то можете не беспоко-

иться, – безразличным голосом ответила девушка, глядя на него своими безжизненными глазами. – Я отнесла ваши вещи наверх, чтобы они не валялись на проходе. Забирайте и уходите.

– С вашей стороны было не очень почтительно трогать чужие вещи без спроса, – как можно более вкрадчиво, но с едва сдерживаемым раздражением процедил Велиан.

– С Вашей стороны было не очень почтительно вторгаться без приглашения в чужой дом, устроив из нашей гостиной ночлежку, – произнесла призрак ровным тоном.

– Туше. Признаюсь, я рассчитывал снискать приют в этом доме, укрывшись от сырости и ночи, но никак не ожидал, что он окажется пуст. Мой путь оказался слишком долгим и изнурительным, и я никак не смог отказать себе в коротком отдыхе. Прошу прощения, это было весьма невежливо с моей стороны.

Казалось странным извиняться перед ней, она ведь всего лишь неживой фантом, а говорит так, будто мнит себя здесь хозяйкой. Но Велиан не привык действовать опрометчиво, если есть возможность сгладить углы и решить всё дипломатически, в чём он был действительно непревзойдён. Он продолжил:

– Могу я узнать, где хозяйева?

– Их сейчас нет.

– Не подскажите, когда они вернутся?

На мгновение показалось, что в глазах девушки блеснула

вспышка, но почти сразу погасла, оставив скорбную пустоту.

– Не могу сказать, – призрак казалась немного растерянной, и отчего-то от неё ещё больше повеяло печалью.

«Явно скрывает что-то. Не говорит мне, надеюсь, что я скорее уйду? Знать бы, на что этот призрак вообще способен, и почему он здесь как караульный. Мне не стоит рисковать, но нужно заговорить её, дождаться живых хозяев дома, и тогда она исчезнет сама или они расскажут, что с ней делать».

Велиан был уверен, что найти подход к молодой, хоть и не очень живой, девушке, он сумеет, и это позволит ему-таки выяснить, что тут происходит и как он может повернуть это в свою пользу.

– Позвольте поинтересоваться, давно ли вы тут оказались и как я могу к вам обращаться? – ещё более располагающе спросил он.

– Я всегда была здесь, как появилась. Меня зовут Прозерпина Макваллен.

Горный ручей её тихого голоса обрушился на Велиана ледяным потоком – имя девушки ошарашило его ещё больше, чем сам факт её присутствия в образе призрака. Только резко вздернувшаяся ко рту ладонь помогла ему сдержать чуть не сорвавшийся с губ вскрик.

– Роз... Прозерпина? Это вы? Но как... Но что с вами произошло? Почему вы...

Не приходя в себя, Велиан открывал и закрывал рот в по-

пытках собраться и сконцентрировать свои мысли в слова, но из горла выходил только воздух. Он теперь жадно, почти неприлично с точки зрения живых осматривал Прозерпину с ног до головы, особенно вглядываясь в её лицо.

– Кхм, – она слегка вздрогнула, услышав своё имя, но сохранила непоколебимое изваяние на лице, хотя в подобной ситуации вполне следовало ожидать возмущения. – Ваш вопрос мне неясен, кроме того, не вижу причин, по которым вас должны касаться дела мои или моей семьи.

«Неужто она не понимает, что умерла? Или действительно посмертно хозяйничает в этом месте? Что ж, похоже выбора нет, ответ придётся нести перед ней, а не то мало ли, что вытворит. Может, так даже и лучше».

– Ах, да-да, конечно, – Велиан наконец-то взял себя в руки и размеренно начал доставать из закровов тысячи раз отрепетированную речь. – Госпожа Макваллен, я пришёл в ваш дом по очень серьезному и важному делу, касающемуся всей вашей семьи. Видите ли, мне выпала честь состоять на службе с вашим братом Сильваном, более того, мы были не только сослуживцами, но добрейшими приятелями. Я проделал длинный, тяжелейший путь, чтобы оказаться в этом доме. Всё, чтобы выполнить его поручение, возложенное на меня. Оправдать доверие моего драгоценного друга, с которым судьба свела нас при столь несчастливых обстоятельствах. Удовлетворить его драгоценнейшую просьбу. Пред-

смертную просьбу...

Велиан состроил скорбную мину и сделал драматическую паузу, как актер, читающий монолог и ожидающий реакции от своего зрителя. По крайней мере, в своих репетициях на этом моменте он уже успокаивающе покачивал на груди мать и сочувственно предлагал платок сестре. Но Прозерпина не выразила никаких эмоций, будто вовсе не поняла ни одного слова, сказанного ей. Тогда Велиан, собрав в горле ком печали, с лирическим надрывом произнес:

– Госпожа Макваллен... Прозерпина, о, как мне жаль вам сообщать эту новость, но ваш многоуважаемый старший брат погиб.

На несколько секунд ему показалось, что и этот этюд не возымел на неё никакого эффекта, но смысл его слов наконец-то стал доходить до призрака – по всему её облику прошла дрожь, словно рябь по глади озера, тронутой ветром, пустые глаза наполнились бриллиантами, а из груди вырвался душераздирающий крик. Безусловно, в некоторой степени Велиану был приятен столь бурный отклик, но в то же время стало страшно от того, на что способно потустороннее существо в буйстве эмоций. Лицо призрака застыло маской ужаса и отчаяния, она закрыла его руками и стекла на ступени. В других обстоятельствах молодой человек уже предложил бы свое плечо за неимением жилетки, но нутро скомандовало ему не приближаться. Вместо этого он стал тихо пятиться, озираясь в поисках убежища. Но когда в следую-

ший раз Велиан обернулся на источник угрозы, там никого не было. Лестница была пуста.

«Где она? Просто взяла и исчезла! Может, я сказал что-то, что позволило её изгнать?»

Слабо осознавая происходящее, Велиан взбежал по лестнице и осмотрел второй этаж, заодно с облегчением приметив свои вещи в одной из комнат. Затем спустился, прошёл по холлу и изучил гостиную – комнаты были не тронуты чьим-либо присутствием, ни живых, ни мертвых. Он подошёл к окну, усмиряя учащенное от быстрой ходьбы дыхание, и попытался успокоиться, но интуиция подсказывала, что это не конец. В ответ на немой вопрос, в серости за окном взор Велиана различил силуэт девушки, стоящей у самого края туманного моря и взирающей в невидимый горизонт. Казалось, она должна была быть постоянным, неотъемлемым элементом этого пейзажа, как слабо горящая посреди мрачной комнаты свеча. Но теперь, именно в этот самый миг порыв морского ветра, нежно обнявший её за плечи, затушил последние искорки едва живого огня, оставив лишь тонкую вуаль дыма, тянущуюся к небу. Волна тумана накатилась на зелёный берег, покрывая девушку целиком, и утянула её в свою пучину, не оставив после себя ничего, кроме изумруда травы.

Велиан несколько раз зажмурил и протер глаза, отгоняя странное видение, но задний двор уже выглядел как прежде.

Помотав головой и убедившись, что за окном никого нет, он задёрнул шторы и вернулся в комнату. Шестерёнки разума стали понемногу отмерзать и восстанавливать свой ход – им предстояло определить дальнейший план действий. Размышления же об эзотерической составляющей этого дня были отложены в самый дальний ящик, потому что сейчас желудок молодого человека наконец-то стряхнул с себя адреналин и громогласно заявил хозяину о своём присутствии. Велиан поморщился и направился в сторону кухни, к которой можно было пройти из гостиной через столовую и небольшой коридор. Не может же быть, чтобы в таком большом доме не осталось хоть каких-нибудь запасов.

На кухне на плите стояло несколько пустых медных кастрюль, по многочисленным светло-салатовым ящикам были распаханы специи и утварь, баночки с солью, сахаром, какими-то непонятными соусами и орехами. Последнюю Велиан прихватил и тут же бесцеремонно открыл, продолжая свой осмотр с банкой подмышкой и шелкая на ходу скорлупки. Кухня была не очень большой, но довольно просторной – она изгибалась вокруг небольшого островка с плитой прямо посередине. Обходя его, в конце своей дуги Велиан уперся в большую дверь с коваными перепонками.

«Ага, вот и кладовая. Надеюсь, там хватит еды хотя бы на первое время, пока я придумаю, как лучше поступить. Судя по состоянию дома здесь никого нет несколько недель, если не месяцев, так что какие-то припасы точно должны были

сохраниться».

Велиан отложил в сторону банку орехов, высыпал в кучку скорлупки, скопившиеся у него в ладони, и с предвкушением потянул ручку двери, но та не шелохнулась. Он попробовал толкнуть её в обратную сторону, но эффекта не было – дверь была наглухо заперта.

Ключ. Ключ должен быть где-то неподалёку. И снова ящички, шкафчики, стенки, тумбы, под тумбами, за шкафчиками... Ключа не было. Практически в отчаянии Велиан подбежал обратно к двери и стал всем весом наваливаться, толкать, дёргать, колотить, но та была слишком велика, чтобы поддаться. Велиан грязно выругался.

– Молодому человеку не следует так выражаться, особенно в этом доме.

На этот раз он не испугался – у него уже некоторое время было ощущение, что за ним кто-то следит, хотя манера призрака так подкрадываться начала его раздражать. Да, так просто избавиться от неё ему явно не удастся. Велиан посмотрел в зеркальные глаза Прозерпины, которые стали тяжелее, а круги под ними угрюмее.

– Должна попросить у вас прощения, я повела себя не как полагается гостеприимной хозяйке. Вы, верно, голодны с дороги. – Образ девушки оставался все таким же стеклянно-холодным, но её голос слегка смягчился, сохранив при этом горный хрусталь в своем потустороннем звучании. – Закройте глаза.

– Что? Зачем? – недоуменно спросил Велиан.

– Дверь не открыть без ключа. Прошу, закройте глаза, это же секрет, – с девичьей наивностью простонала призрак, с просьбой глядя на него.

Он решил не возражать и закрыл левой ладонью глаза, оставив на всякий случай свободной правую – мало ли, что девушка удумает. Велиан услышал приглушённый скрип кухонной мебели и аккуратный звон посуды, а вскоре прозвучало несколько ярких щелчков в замочной скважине.

– Мне нужна ваша помощь. Кажется, она слегка заржавела.

Когда Велиан распахнул глаза, Прозерпина стояла совсем рядом, прислонившись к двери и в ожидании взирая на него. Он подошёл ближе, и они вместе навалились на дверь, поначалу не поддающуюся, но всё же сдающуюся под общим напором. Дверь вяло распахнулась, и рука Велиана соскользнула, на мгновение прикоснувшись к фарфоровым пальцам Прозерпины. По его спине прошёл холодок, передавшийся от призрака, но на его удивление она была не бесплотна, хотя и человеческой эту руку было сложно назвать. Прозерпина будто была вырезана из тонкого льда, покрывающего озеро в начале весны и припудренного серебристо-бархатным снегом. Девушка от касания вздрогнула, но быстро вернула себе равнодушный вид.

Фокус размышлений Велиана не успел надолго задержаться на сущности призрака, быстро сменившись мысля-

ми более плотскими – содержанием кладовой. Его ожидания оправдались – благодаря толстым каменным стенам, каким-то чудом не пропустившим вездесущую влажность, удалось сохранить немалую долю припасов: вдоль стен стояли почти нетронутые мешки с крупами и мукой; подгнившими овощами и фруктами; чаем, травами и кофе; на полке безмятежно спал сыр, укрытый тонким одеялом плесени; позади отдыхали банки с вареньями, джемами и соленьями; на нитях вдоль стеллажей даже висели несколько полотен вяленого мяса и сушеных грибов. В дальнем углу кладовой притаился невысокий шкаф, хранивший аккуратно сложенные пыльные бутылки из тёмно-зелёного стекла, при виде которых рот юноши наполнился слюной, а желудок едва не издал жалостливый всхлип.

– Вы можете подождать в гостиной. Обычно мы едим в столовой, но там давно не топили, чтобы прогреть её нужно пару часов... – безапелляционным голосом сказала девушка и с лёгкой издёвкой добавила, пихнув ему несколько поленьев. – Вы уже знаете, где спички.

Велиан, окончательно сбитый с толку, хотел было открыть рот, чтобы ответить, но передумал. Тупо глядя себе под ноги и морща лоб, он вернулся в кровавую гостиную и направился к камину. Воздух в доме был осенне-бодрящим, а камень лишь отдалённо сохранил остатки ночного очага. Велиан накормил камин деревом и без труда зажёл огонь – поленья из дровницы в кладовой были холодными, но сухими.

Он поднял сброшенный им утром на пол плед и небрежно кинул на спинку кресла, в которое упал следом будто после изнурительного рабочего дня.

«Хм, а откуда тут вообще взялся плед? Разве он был здесь вчера вечером? Не помню, чтобы накрывался чем-то... – вяло перебирал мысли уставший от потрясений мозг Велиана. – Неужели это она принесла, чтобы я не замерз? Может, она не такая уж и грозная, как показалось, но нужно оставаться настороже. Эта девушка уже точно не та Прозерпина, про которую мне так много рассказывал Сильван. По меньшей мере, она не жива...»

Пока Велиан таял в кресле у камина, потирая уже начавшие дубеть пальцы, Прозерпина впорхнула в комнату, бесшумно подплыв к нему со спины, и поставила серебряный поднос на кофейный столик рядом с ним. Она безмолвно протянула ему фарфоровую тарелку, на которой лежали аккуратно нарезанный и избавленный от плесени сыр, очищенные от скорлупок орехи, так приглянувшиеся Велиану, и полосочка жесткого мяса. Затем девушка подняла небольшой чайничек с голубыми цветами и изящно налила в чашку горячий травяной чай, аромат которого захватил гостиную. Наконец, скромно подвинула пиалу с рябиновым вареньем, после чего всё так же без единого слова села в стоящее рядом кресло и уставилась в камин. Велиан кивнул в знак благодарности и набросился на этот наспех приготовленный обед,

пытаясь сохранить капли элегантности и этикета. Всё время, пока он уплетал сыр с орехами, разжёвывал мясо и пил чай, заедая вареньем, Прозерпина наблюдала за танцем языков пламени, выпрямив спину и сложив руки на коленях, словно неподвижная статуя. Как только пустая чашка цокнула ножкой о блюдце, девушка повернулась с разгоревшимися от огня или переживаний глазами:

– Вы должны рассказать мне всё, что произошло. С Сильваном, – на имени брата голос Прозерпины слегка задрожал, и она с трудом сдержала подступивший ком.

– Госпожа Макваллен...

– Прошу, не надо меня так называть, просто Прозерпина.

– Прозерпина, – сглотнув, Велиан выдержал небольшую паузу, чтобы сплести мысли в последовательный рассказ, и продолжил. – Как вы, должно быть, уже знаете из писем брата, мы с ним были распределены в одну пехотную роту, один взвод. Вместе мы проходили воинскую подготовку, вместе стояли в дозоре, участвовали в наступлении... Мы стали не просто сослуживцами, но добрыми товарищами. Последние месяцы войны мы несли страшные потери, и наш многоуважаемый главнокомандующий решил на отчаянную наступательную операцию...

Велиан не хотел путать девушку в военных планах и терминах, но желал произвести наисильнейшее впечатление.

– На наш полк выпала честь произвести рискованный, невероятно опасный, но тактически необходимый отвлекаю-

щий маневр.

«Пока эти увальни сидели в своих штабах, придумывая все эти грандиозные планы, мы должны были быть пушечным мясом. Чтобы их чёрт подрал, чем их жизнь важнее моей? Кто дал им право распоряжаться моей жизнью в обход меня самого? Пусть я по глупейшей, несправедливейшей случайности не родился в богатом доме со звучной фамилией, я куда лучше, я превосхожу их всех, и они ещё все узнают об этом».

– Мы бросились прямо в стан врага, – нашей миссией было удерживать их, пока союзники обходят с тыла. Мы были под обстрелом, в сильном меньшинстве, каждый из нас был готов к тому, что это наш последний бой...

«Чёрта-с два! Только страх быть пойманным и опозоренным за дезертирство удерживал меня. Я не хотел и хочу умирать, я не ДОЛЖЕН умирать ради кого-то, ради этих людей, который со своими правилами и устоями с рождения вторили мне о том, что я чем-то хуже, что я чего-то не достоин».

– Эта операция стала решающей в нашей последующей победе в войне и каждый из наших получил орден героя, к сожалению, почти все лишь посмертно, в том числе и ваш брат...

Девушка слушала каждой частью своего фарфорового тела, не шелохнувшись и не сказав не слова. Лишь глаза её подернулись дымкой горя и размышлений. Велиан сочувственно смотрел на нее, смиренно сложив руки и располагающе

повернувшись к ней. Наконец в плотном тумане её взгляда забрезжил тончайший луч света:

– Но как же... Как я могу вам верить? Несколько месяцев назад нам сообщили, что брат пропал без вести. Я... Мы думали, он попал в плен и есть надежда, что после окончания войны его отыщут и он сможет вернуться домой, он просто не может не вернуться!

Глаза Прозерпины засверкали ледяными искрами, и Велиану на миг показалось, что её грудь всколыхнулась затаённым вздохом.

– Подождите минуту.

Велиан поднялся с кресла, педантично расправив складки своего несвежего костюма и вышел из комнаты. Он быстро отыскал на втором этаже похожую на гостевую спальню, куда без спроса были перенесены его вещи, потому как не выпускал из головы мысль о них, и с жадностью набросился на брезентовый свёрток. К его великому облегчению, у призрака хватило такта не изучать содержимое без ведома гостя, потому как складки, завязки и расположение ценностей внутри, так четко отпечатанные в его памяти, остались неизменны с последней проверки. Велиан вытащил пару предметов, а остальное обернул и спрятал в саквояж.

В его деле нужно действовать очень аккуратно. Путей избавления от призрака пока не видится, остается только ждать возвращения живых хозяев, так что нужно склонить её на свою сторону. В конце концов, она была сестрой Сильвана,

к её голосу должны прислушиваться, даже к потустороннему...

– Вот, прошу вас.

Вернувшись в гостиную, Велиан протянул девушке тонкую книжечку и золотую звезду. Прозерпина торопливо развернула листок и стала читать.

– Грамота... вручается... звание героя... награждается орденом... Сильван Макваллен...

Перечитав несколько раз и впитав каждую букву, девушка опустила грамоту и с немым благоговением уставилась на орден в форме звезды, нежно поглаживая его кончиками пальцев.

Выждав несколько драматичных секунд, Велиан решил продолжить.

– Мы шли вместе на смерть, прикрывая спины друг друга, но шансов у нас не было. Снаряд разорвался всего в нескольких метрах, каким-то чудом я был лишь ранен, но Сильван сильно пострадал... Я тащил его на себе, я был готов умереть за него, но я был сильно ранен в плечо, я истекал кровью... Сильван... Он говорил, умолял меня бежать, ползти, но я не хотел, не мог его бросить. Я держал его, пока он угасал у меня на руках, прикрывал от пуль своей спиной... Но ещё один роковой снаряд разбросал нас, я отключился, очнувшись уже в госпитале, но Сильвана, моего верного товарища, уже не было... Ох, Сильван! Он просил, умирая, просил

позаботиться о его семье, помочь, как только я смогу – это оказалась его посмертная просьба, которую я теперь не смею нарушить! Отбросив все свои личные желания и помыслы, как только излечился по окончании войны, я отправился искать вас. Почти месяц я добирался к вам через все перипетии судьбы, погоды, расстояния и преграды. Но теперь! Теперь я здесь, с вами, семьёй Сильвана, и я сделаю всё, что в моих силах, чтобы оказать вам всяческую поддержку и заботу, которой вы лишились с этой трагичнейшей потерей! О, милейшая Прозерпина, вы больше не будете одна! Я буду с вами!

– Вы будете со мной? – с хрупким, тончайшим отголоском тепла вторила его словам девушка.

– Да, буду.

Чистая весенняя слеза, огибая припудренные рябиной щеки, пролилась из голубых глаз и разбилась о мраморные руки, и комнату наполнил едва уловимых запах надежды.

– И тогда Роза решила найти живую фею, чтобы доказать нам свою правоту, и убежала в лес! Мы несколько часов не могли её найти, отец пригнал из города человек двадцать для прочёсывания всех близлежащих лесов и болот. А она просто уснула под большим деревом на опушке и проспала всё

это время! Ох, как матушка тогда плакала. Розы всегда была тем ещё сорванцом, даже когда стала старше... – Сильван не затыкался уже второй час, рассказывая про свою семью, пока они несли вахту в лагере для новобранцев.

Мягко-летний ветерок растрепал короткую каштановую чёлку юноши, и он глубоко вздохнул. Три месяца они провели в столичной воинской части, изнемогая от постоянных построений, маршей, ружей и нарядов. Словно скот на пастбище их гоняли на стрельбище, в ожидании чудесного перерождения из желторотых юнцов в отважных бойцов. Идиоты. К строгому распорядку юноша привык быстро, будучи знакомым с отказами от удовольствий, хоть и не расположенный к этому, но подчиняться и пресмыкаться перед старшими по званию его изводило. Зато в столице звуки войны были почти не слышны, бельё было чистым, да и кормили неплохо.

Здесь было хуже. Громче. Грязнее. После насмешливо-неудовлетворительных основ курса молодого бойца новобранцев отправили в тыл, где они только и делали, что несли вахты и переправляли почту и припасы. Нет, юноша не рвался вперед в горячие точки навстречу сражениям и геройствам – его бесило то, что он застрял здесь без возможности повернуть назад. В городе их казарму окружала непреступная стена и сторожевые вышки – шансов на побег не было. Здесь же стены заменили густые леса и бескрайние степи. Первые несколько дней юноша хитро присматривался к ла-

зейкам из лагеря, складам с продуктами и порядку дозоров, но после того, как нескольких ребят из его роты поймали и расстреляли за дезертирство, отбросил эти мысли. Даже если ему удастся припрятать сухой паёк и выскользнуть из лагеря незамеченным, выжить в беспощадной дикой природе, отделяющей его на несколько десятков километров от цивилизации, вряд ли удастся.

Поэтому вот уже несколько недель он торчал посреди ничего, глядя в никуда, со своим постоянным громогласным напарником по вахте. Тот, казалось, только рад здесь находиться, и, что хуже, похоже верил, что каждый час его караула или перенесённый ящик с картошкой вносит неоценимый вклад в победу на войне. Этого юноша не мог ни понять, ни принять. Истории Макваллена его не особо интересовали, но хотя бы не давали уснуть от скуки. Уж лучше пусть рассказывает, чем спрашивает – этого он терпеть не мог.

– Но когда родилась Ювенти, наша младшая, Рози решила стать примерной старшей сестрой, особенно после того, как я уехал учиться в университет. Помогала матушке по саду и миссис Помон на кухне, раскладывала для отца бумаги, играла с Ювенти. Малютке тогда было всего два года, но она капризничала как настоящая принцесса! В каникулы я всегда привозил ей что-нибудь из города, и Рози тоже – ленточки, серебряные пуговицы, платочки. За три года, что меня не было, она стала истинной леди, а Ювенти всюду за ней ходила и повторяла. Такая смешная! Жаль, что меня тогда рядом

не было... А у тебя есть братья или сёстры? – неожиданно резко прервал свой монолог Сильван и, улыбаясь, повернулся к Велиану.

– Нет, я один, – сухо ответил он.

Макваллен явно хотел спросить что-то ещё, но на посту их пришли сменить двое других сослуживцев. Вахта закончилась как раз к концу ужина, и они поспешили к дежурному за своими порциями жидкого пресного супа и куском хлеба. Приятели поставили миски ближе к огню, чтобы подогреть давно остывший бульон, и растянулись на лавках вокруг костровища.

– Ну, а семья? Расскажи про родителей, – не унимаясь, продолжал Сильван.

– У меня никого нет.

– Ты что, сирота, получается? – спросил тот со смесью сочувствия и интереса.

– Что-то в этом роде... – с чуть различимой ноткой злости тихо ответил юноша.

– Понял. Если не хочешь говорить, не нужно. Не представляю, какого это. Для меня мой дом и семья – самое дорогое... Дома всегда так тепло и уютно, в хорошую погоду мы гуляем в коляске, а в плохую сидим у камина в гостиной. По праздникам миссис Помон готовит такие грандиозные обеды, что из столовой потом приходится выкатываться. – Сильван посмеялся над своей же шуткой. – Правда, гостей у нас почти не бывает, хотя дом такой огромный, что хоть полго-

рода приглашай! И гордо могу заявить, что самый красивый. Его построил мой прадедушка по чертежам какого-то знаменитого иностранного архитектора, и не прогадал! Грунт там был не очень крепкий, так что пришлось отказаться от подвала. Но зато простоит еще несколько веков, это точно! Добираться только, пожалуй, далековато, но какие там открываются красочные виды... – Макваллен блаженно прикрыл глаза, рисуя в воображении картины по памяти.

Отряхнувшись от накатившей ностальгии, Сильван задумался, какими ещё рассказами развлечь соседа, но тот прервал ход его мыслей.

– Расскажи ещё про дом, – впервые проявив искренний интерес, попросил юноша.

Глава 3

Велиан лежал под ворохом одеял и смотрел на потолок цвета сладко-лазурного неба. Небо плавно стекало на стены ему в тон, увитые золотистыми лозами и усеянные цветками. Гостевая комната особняка была небольшой, но очень уютной, с резной мебелью из тёмного дерева, собственным умывальником и крохотным камином. А ещё она была совершенно лишена каких-либо признаков прежнего пользования – похоже, Велиан стал её первым жильцом. Видно, что здесь поддерживался порядок, и только длительное отсутствие прислуги оправдывало тонко растелившиеся полотна пыли на мебели, которые лишь мимоходом стряхнула нынешняя хозяйка перед приглашением гостя. Ночь была прохладной, и за вчерашний день комната не успела протопиться достаточно, чтобы беззаботно спать, не вздрагивая от покалывающей свежести в случайно высунувшейся из-под одеяла пятке. Но эта ночь была лучшей для Велиана за последние несколько месяцев, если не лет. Сегодня он впервые проснулся с уверенностью, что у него всё получится.

Погружённый в свои размышления он провалялся почти полчаса, затем сладко потянулся, ухмыльнулся и поднялся. Умылся, надел свежую белую рубашку, брюки и жилетку цвета молотого перца, с вечера аккуратно развешенные им в шкафу, и мягкие кофейные туфли – на этом его смен-

ные туалеты исчерпывали себя. Элегантный шоколадный костюм, являвшийся гордостью его скромного гардероба, кажется, смертельно пострадал без надежд на исцеление. Ничего, это неважно. Велиан педантично уложил свои золотисто-каштановые кудри, доведя прическу до совершенства в зеркале, заправил кровать и распахнул пошире шторы. Напоследок, он забросил несколько поленьев в камин, который за ночь должен был давно потухнуть, но каким-то неясным образом в нём ещё ярко тлели угольки.

Прежде чем выйти из комнаты Велиан прислушался, но не различил каких-либо звуков. Тогда он высунул голову в коридор и осмотрелся – результатов это тоже не дало. Наконец, он тихо прикрыл за собой дверь и, не торопясь, спустился в пустую гостиную. На этот раз Велиан не тешил себя надеждами на то, что призрак была лишь воплощением его больного воображения и по пробуждении испарится из его жизни как дурной сон. Наоборот, Велиан ждал встречи с ней. Не только потому, что весь вечер вспоминал прикосновение к её белоснежным пальцам и взгляд печально сияющих глаз, но из-за дозревшего благодаря ей плана, вот-вот готового упасть спелым плодом в его раскрытые руки.

«Интересно, что дитя смерти делает по ночам – бродит ли по бескрайним зелёным полям и болотам, плавает ли в серых тягучих облаках или снисходит в могилу, только чтобы снова взойти на охрану места своего неупокоения? – вальяжно вышагивая вдоль книжных полок, размышлял Велиан. –

Не уверен, что по правилам эзотерического этикета вежливо спрашивать про такое, да и вообще про обстоятельства гибели сего создания, а сама она не стремится раскрывать свои секреты... Что ж, со временем. Моё положение сейчас слишком хрупкое, чтобы рисковать из-за сугубо личного любопытства. Возможно, стоило бы отыскать семейное кладбище или как у них тут принято... Чёрт их знает. Лишний раз выходить на улицу и делать заплывы по слякоти желания нет. Да и ничего похожего в округе я не заметил».

Вчера после скромного подобия обеда молодые люди просидели долго в молчании, прерываемые лишь подбрасыванием поленьев в огонь, будто привыкая к присутствию друг друга. Благо, запас дров в доме оказался внушительным – их закупали большими партиями в городе и привозили раз в сезон – чаще таскаться в эту глушь ни у кого желания не было. Прозерпина провела малосодержательную экскурсию по дому, повторив круг по первому этажу и лишь кратко указав на расположение спален и удобств. Удостоверившись в пристойности убранства, она пригласила его только в гостевую комнату, где он и провёл оставшуюся часть дня, распаковывая и раскладывая вещи, топя камин, размышляя. В это время девушка бесшумно порхала по дому, приводя его в порядок, и лишь раз застенчиво постучалась к Велиану с подносом чая и ещё одной порцией варенья.

«Где она сейчас может быть и когда ожидать её появления?»

В ответ на мысленный вопрос его носа коснулся резкий запах горелого, прилетевший со стороны кухни. Он незамедлительно направился по пахучему следу, обнаружив суетившуюся у плиты Прозерпину. Источником малоприятного запаха оказалась кастрюля каши, вышедшей из краев и сползающей по медным бокам.

– Нужно сделать поменьше огонь и постоянно помешивать, чтобы не пригорало.

Перехватив бразды кулинарного управления, наглядно показал Велиан, не раз стоявший дежурным костровым в военном лагере. Прозерпина смотрела на него диковато-виноватыми глазами.

– Почему бы вам не накрыть на стол и не приготовить ваш прекрасный чай, а я тут закончу.

Призрак с благодарностью кивнула, и уголки её губ тронула мимолетная улыбка.

Прозерпина накрыла на двоих в значительно потеплевшей со вчерашнего дня столовой, но к своей порции не притрагивалась. Только ароматный пар, поднимаясь из её тарелки и чашки, в танце сливался с волнами волос. Велиан ел неспеша, искоса наблюдая за своей безмолвной собеседницей. Кажалось, они сидят не на разных концах стола, а на разных континентах – так далеко от него она ощущалась.

«Призраки, должно быть, ничего не пьют и не едят, да и

к чему им, бестелесным. Что они вообще чувствуют и чувствуют ли?»

Заметив его любопытный взгляд, Прозерпина застенчиво потупилась и сделала небольшой глоток чая.

– Как вам вкус? – не удержавшись внутри головы Велиана, вырвался вопрос.

– Я не чувствую вкуса. Уже давно не чувствую никакого вкуса... – тихо, едва слышно ответила призрак.

Окончание трапезы прошло в молчании.

После Велиан помог ей убрать со стола, несмотря на её желание поухаживать за гостем, и будто невзначай предложил прогуляться по близлежащим окрестностям. В замешательстве взгляд Прозерпины стал судорожно перебегать с неизменного асфальтового пейзажа за окном на подол её бледно-голубого платья. Несмотря на боязнь показаться негостеприимной, она все же отклонила его предложение, а в её глазах отразилось смятение и... страх?

«Надеюсь, отказ нашей эфирной дамы мне не стоит воспринимать на свой счет...

Ну, разумеется, нет».

Велиан ухмыльнулся себе под нос, выдёргивая ногу из засосавшей её лужи. Сапоги и плотный непромокаемый плащ ему любезно одолжила Прозерпина, трепетно принеся их из комнаты Сильвана. Велиану всё это было немного велико.

«Но этому должно быть какое-то объяснение. Могут ли призраки бояться? Какой вообще у них может быть спектр эмоций? Я видел грусть, смущение, могу поклясться, при мысли выйти наружу она заколыхалась от ужаса! Но чего ей бояться, она ведь уже мертва!»

Велиан повертел головой в поисках размазанной тропинки, с которой в полёте мысли он сошел, выходя с заднего двора и направляясь куда-то ниже по склону.

«Быть может, бедное дитя словно сторожевой пес, привязанный к своей конуре, не может ступить за её пределы. Хотя я видел её там, на краю, или же это был просто сон...»

Следующие несколько минут пути Велиану пришлось преодолевать практически вплавь, пока он не наткнулся на небольшое потемневшее строение, которое оказалось конюшней. Разумеется, пустой. Кроме сгнивших стогов сена, покосившихся стойл и склада нетоптанных ржавых подков ничего стоящего здесь не нашлось. Поднявшись по стремянке на мансарду, Велиан обнаружил сбитый из соломы тюфяк, старые калоши, тулуп и две, три, пять пустых бутылок.

Похоже, это было убежище конюха. А это, похоже, прибранный к рукам хозяйский виски. И довольно неплохой, насколько мог судить относительно сведущий в этих делах Велиан. Осмотревшись ещё раз, он вышел на улицу, начав задыхаться спёртым воздухом с привкусом плесени. Он прикрыл за собой дверь и наконец заметил, что она не была заперта. Зато тяжёлый амбарный замок преспокойно висел

внутри на крючке по соседству с подковами.

«Неужто хозяйева не бояться конокрадов? Хотя кому тут воровать – ни души. Да и воровать-то уже нечего».

Велиан обошёл здание, но кроме затонувшей колеи, ведущей к дороге, и тропинки, по которой он сюда приплыл, ничего не увидел. Зато небо над ним уже начинало наливаться ночным металлом, еле сдерживаемым тонкой оболочкой облаков, чтобы не пролиться на землю густой субстанцией.

«Смеркается. Уже? Как же так? Не мог же я так долго провозиться в этом сарае. Сейчас только конец сентября, так рано темнеть не должно!»

Но ни поспорить с ним, ни ответить грозное небо не снизошло, поэтому Велиан поспешил обратно тем же путем, не имея желания продираться сквозь слякоть в темноте.

– Как прошла ваша прогулка?

Томно помешивая грибной суп, спросила Прозерпина, сидевшая на другом конце длинного стола. За всё время она лишь раз слегка коснулась ложкой рта, видимо боявшись насторожить гостя тем, что вовсе не прикасается к еде.

– Вы знаете, любое путешествие по вашим краям похоже на спортивный триатлон – обязательно включает бег с препятствиями, заплыв и прыжки в длину через канавы.

Велиан решил рискнуть и подтопить лёд их беседы, с облегчением увидев лёгкую улыбку на губах Прозерпины и колыхание груди, которое счёл за смешок. Эту шутку он при-

думал, когда плёлся обратно к дому, в котором, который раз не обнаружив девушки, принялся за приготовление ужина. Как оказалось, призрак суетилась наверху, доводя порядок до видящегося ей совершенства.

– В своём randеву я наткнулся на старую конюшню, полагаю, она принадлежит этому дому, – Велиан специально использовал иностранное словечко с акцентом, надеясь произвести впечатление на девушку.

Но вместо ожидаемой реакции глаза призрака округлились и наполнились необъяснимым волнением. Она глуповато открывала и закрывала рот, как выброшенная на сушу рыба, пока её зрачки снова не накрыла пелена, и она приглушенно выдавила «Да».

Поскользнувшись на такой твёрдой, казалось бы, почве, Велиан побоялся продолжать беседу, но спустя несколько минут призрак резко продолжила, заставив его вздрогнуть от неожиданности.

– Да, конечно же, конюшня наша! Сильван ведь обожает лошадей! И мистер Эпс, наш конюх, о, милый мистер Эпс! Он здесь почти с самого моего рождения. Всегда рассказывал мне сказки и небылицы, а я всему-всему верила! Как-то он, подвыпивши, рассказал, что по пути в город за мукой встретил настоящую лесную фею, которой так понравилась его борода, что она свила себе из неё гнездо. Вы представляете? – Лицо Прозерпины налилось и запылало, а голос колокольчиком отражался от стен. – Да уж, выпивать он лю-

бил частенько, и тогда миссис Помон так ругалась на него! Ведь это из-за него она стала запира́ть кладовку, но я всё время подсматривала, куда она прячет ключ, и таскала мистеру Эпсу отцовский виски, чтобы тот рассказал мне ещё волшебных историй. Но, кажется, ни разу не бывало, чтобы что-то удалось укрыть от зоркого глаза миссис Помон, и тогда она начинала ох как кричать и размахивать своим полотенцем! Мистер Эпс сбегал от неё в конюшню, а меня всегда отправляли в постель. В доме он почти не ночевал. В детстве Сильван говорил, что когда вырастет хочет стать конюхом, как мистер Эпс, он ведь всегда так любил лошадей...

Когда Велиан убирал со стола, её тарелка была наполовину пуста.

На следующее утро вчерашняя прогулка пустила микробные корни в организме Велиана – он проснулся больным. Лишь приоткрыв мучительно сдавленные глаза, он сразу почувствовал, как его тело наполнено жаром, а голова туманом и неразберихой. Он пробовал встать, но, ощутив резкий удар озноба по коже, быстро отступил обратно под тёплое одеяло. Снедаемый хворью он лежал в постели, пытаясь осознать своё нынешнее беспомощное положение, когда в дверь робко постучали.

– Прошу, – хриловатым голосом промычал Велиан, выглядывая из-за стен своей пуховой крепости.

– П-простите за беспокойство, вы не вышли к завтраку,

и я заперезживала, вдруг у вас что-то произошло, – призрак смущенно выглянула из-за двери, не решаясь поднять на Велиана глаза. – Ах, неужели вам нездоровится!

Велиан вздрогнул от прикосновения родниковой руки к его пылающему лбу.

– Да у вас жар! Погодите минутку, я сейчас вернусь.

Прозерпина выпорхнула из комнаты и не некоторое время воцарилась глухая тишина. Он уже начал думать, что этот эпизод ему привиделся в бреду, но вскоре дверь снова отворилась и призрак аккуратно приземлила серебряный поднос на тумбу у кровати больного.

– Это целебный чай, который матушка всегда делала, когда мы болели. Здесь лекарственные травы, которые она сама выращивала, а ещё дикая клюква и немного мёда. Он снизит жар и поможет вам поспать. Давайте я вам помогу. Осторожно, горячо. Да, вот так.

Чудодейственный напиток бальзамом растекся по телу Велиана, отягощая конечности, но облегчая голову. Едва успев допить чашку, он погрузился в глубокий сон.

– Ах, Агриппа, где ты это подобрала? – пискляво спросила полноватая дама, укутанная в розовые рюши.

– Вы не поверите! Давеча как сегодня утром возвращалась

от портнихи и решила пройти через парк. Обычно я никогда не хожу на прогулки одна, но погода была наипрелестнейшая, а Офелия никак на прошлой неделе рассказывала, что туда привезли самого что ни на есть настоящего павлина! Не смогла я отказать себе в удовольствии. Шла я себе неспеша по аллее, как ни с того ни с сего поднялся жуткий ветер и унёс мою любимую шляпку, ту самую, с голубыми шёлковыми лентами. Нет-нет, ну ту, что подарил мне Джорджио, та с красными лентами и сиреневыми цветами. В такую теплую погоду я её не ношу, да и к платью моему она бы никак не подошла. Да-да, это была та, что с белыми цветами и жёлтыми бусинами, в которой я была на прошлой весенней ярмарке вместе с Аугусто. Так вот, её что ни на есть самую подхватили ужасные порывы ветра и как понесли! Я уж думала её оплакивать. А это милейшее создание сумело словить беглянку и вернуть мне мою драгоценнейшую пропажу. Ну просто посмотрите, какая прелесть! – ответила ей дама лет 30 в океанско-синих шелках, хозяйка чаепития.

– И сколько же милейшему созданию лет? – поинтересовалась другая дама, завернутая в зелёный бархат.

– Шестнадцать, госпожа, – высоким голосом ответил стройный юноша с золотисто-каштановыми кудрями.

Он стоял посреди просторной, богато убранной комнаты, окружённый надушенными кушетками и подушками, на которых восседали благородные дамы в пестрых туалетах. Все присутствующие с любопытством рассматривали его словно

диковинный экспонат в музее.

– Боже, ну действительно прелесть!

– А как прелесть зовут? – пододвинулась третья дама, увешанная алыми бантами словно рождественский подарок.

– Кхм, Велиан Фурхо, – зарумянившись, ответил юноша.

В ответ ему разразился птичий гогот.

– Что же это за имя такое? Никогда подобного не слышала!

– А мне кажется, есть в этом что-то восточное!

– Скорее пугающее!

– Очень престранное!

– Из какого же вы рода?

– Ох, Кристина, так в том-то и дело, что не из какого! Когда я его нашла, мальчик выглядел весьма скудно, – понижая голос, но так, чтобы все присутствующие всё равно услышали, пролепетала хозяйка. – А это, ты что же, не узнаешь? Старый кафтан моего брата Антония. Он был в нем на обеде у Стервудов позапрошлой осенью. Ну, когда мы ещё думали его сосватать с их младшей дочерью Оливией, но в скорости их дела разладились, и слава богу, тогда было ещё ничего не решено. Я слышала, они сейчас живут в какой-то захолустной деревушке, а Стервуд старший сам возит лес, чтобы хоть как-то свести концы с концами! Просто ужасно. Да, Антоний сейчас на юге, увивается за какой-то среднесортной актриской. Батюшка решил дать ему порезвиться пару лет, прежде чем женить. Конечно же, я знаю, на ком! Но это пока секрет,

который даже тебе рассказать не могу. Ну-ну, не дуй губы, скоро всё и так станет известно.

– Так, а что же с нашим милым созданием? Вас никто не ищет?

– Я сирота, – печально ответило создание.

– Ах, бедняжка! Вам должно быть, так одиноко, – кокетливо прощбетала самая юная дама в пышных лиловых юбках.

– Ну уж нет, Софи, теперь это мой питомец, – самодовольно ухмыляясь, заявила хозяйка в синем платье. – Мне кажется, из этого может получиться что-то весьма интересное. Вот только с именем и правда нужно что-то сделать. Хотя Велиан звучит так необычно...

– Температура уже не такая высокая. Вам нужно поесть, чтобы набраться сил. Давайте, я помогу.

Велиан не знал, сколько пролежал в постели. Он почти всё время спал, лишь периодически бодрствуя для следующего приёма лечебного напитка. В минуты его пробуждения Прозерпина всегда была рядом и ухаживала за ним как профессиональная сиделка. В комнате было одновременно и свежо, и тепло, и он действительно чувствовал себя лучше. Он

окреп достаточно, чтобы самостоятельно сесть и небольшими порциями поглощать жидкую кашу, на удивление не имеющую и привкуса гари.

– У вас хорошо получилось, – без издёвки сказал Велиан ещё слабым, но уже чистым голосом.

– Спасибо, ваши советы мне очень пригодились, – не менее искренне ответила Прозерпина, радостно глядя, как поправляется её гость.

Спустя ещё несколько сцен приема чая, каши, чая, супа, чая Велиан окончательно поправился и был готов покинуть примятую постель и вернуться на просторы особняка. На дверце шкафа он обнаружил чистую рубашку и аккуратно подшитые брюки, вероятно раньше принадлежавшие Сильвану, оделся и традиционно педантично причесался. В глубине души Велиан даже был рад, что провалялся больной столько времени, – это позволило ему немного сблизиться с мертвой хозяйкой, а уж выпроводить только что оправившего от простуды гостя она теперь не решится. Это даёт ему больше времени. Кстати, о времени...

– Вы не представляете, как я вам благодарен за всю ту заботу и помощь, которую вы оказали мне в период моей беспомощности. Мне жаль, что я доставил вам столько неудобств, – Велиан вытанцовывал перед засмуцавшейся девушкой, сидевшей перед камином в гостиной. – Это, види-

мо, всё местная влага. Мне, наверное, стоит побыть какое-то время в тепле и сухости и не выходить наружу.

– Что вы, что вы, это мне жаль, что вам пришлось пережить такую болезнь! Нужно было дать вам на прогулку вещи потеплее, это я всё виновата! Пожалуйста, присаживайтесь, я принесу вам плед, вы ведь ещё, должно быть, слабы...

Велиан ответил на этот порыв полным благодарности и смирения взглядом.

– Спасибо вам. Я поправился так скоро только благодаря вашему чудодейственному вниманию, но ещё, пожалуй, чувствую лёгкую усталость. Сколько же я пролежал в бессознательности? —

От его вопроса Прозерпина ненадолго смешалась.

– О, вовсе не так долго, всего несколько дней, – уклончиво ответила призрак.

«Ответ, не содержащий ответа! Так не пойдёт. Не могу понять, она прикидывается или действительно не знает? Как же мне выяснить, какое нынче число месяца? Так, я выехал из ... вроде бы... 17-го, так... а на паром сел... и в город приехал 23-го... а в дом я постучался, получается, 25 сентября. А потом... Какой же, чёрт побери, тогда сейчас день?!»

Велиан недоверчиво поглядел на Прозерпину, умиротворенно смотрящую на огонь в камине. Похоже, она и правда не имеет представления.

– А не подскажете, который сейчас час?

Глава 4

Часы?

Часы переплелись в неразрывный клубок минутных нитей и шёлковых секунд.

Дни?

Дни слились в один неразличимый поток и потерялись окончательно.

Время?

Время покинуло этот дом вместе с его обитателями.

Поначалу Велиан пытался найти в поглотившем его безвременье. Но небольшие карманные часы, которые у него имелись, не пощадила влага, совершившая несколько жестоких нападений во время его продолжительного путешествия, а почтительного возраста суровые напольные часы – единственный светоч распорядка в этом доме – давно никто не заводил, и они молча стояли в углу гостиной. Он не мог понять ни какой сейчас день, ни сколько времени прошло тогда или сейчас. В какой-то момент за окном просто темнело, будто кто-то по своей прихоти решал, что дню пора закончиться и нужно идти спать. Так Велиан и делал. Когда он просыпался, всегда было светло – в камине тлели угли, а сквозь

шторы пробивался тускло-серый день.

Обычное их времяпрепровождение с призрачной хозяйкой заброшенного дома не отличалось даже прозой, и время от времени он не мог вспомнить, чем был занят весь день и был ли этот день вообще. Были завтраки и обеды в столовой, чай в гостиной, были тихие вечера, но разговоров не было. Молодые люди словно дикие звери привыкали к существованию друг друга, боясь сделать лишнее движение или шаг навстречу. Бывало, Прозерпина куда-то пропадала, и Велиан слонялся один по дому, а когда углы и шторы начинали сводить его с ума, выходил и делал круг по саду, настороженно озираясь на обрыв, по-прежнему укутанный тяжёлым свинцовым покрывалом. К местному климату он привык, но не смирился с ним. Ему начинало казаться, что туман обитает повсюду – проникает в дом, в его кровь, в мысли, в сны. Иногда он запирался в комнате и перебирал свои вещи, перечитывал бумаги, делал пометки и записывал мысли в журнал, отмечал дни. Иногда.

«Сегодня я остался один. Не могу определиться, вдохновлён я или расстроен. Я начинаю всё чаще смешиваться в осознании своих чувств.»

С самого утра так и не смог ни разу заприметить присутствия тихо-девичьего призрака. Когда я спустился, меня не встречал уютный аромат травяного чая, к которому я, надо сказать, уже привык, и после она так и не соблаговолила явиться. Не очень почтительно с её стороны.

В попытках отыскать её и скоротать время, я несколько раз обошёл дом. Дабы размять ум, привожу следующие исчисления:

-10 комнат, не считая коридоров и ванных: 1 кухня с кладовой, 1 гостиная, 1 столовая, 4 спальни, 1 детская, 2 комнаты в крыле для слуг;

-16 узорных ваз;

-34 картины посредственного исполнения в резных рамах;

-22 одиночные гардины.

Изначально я планировал пересчитать окна в жилых комнатах и коридорах, но все они плотно занавешены. Везде, кроме моей гостевой спальни. А посему привожу расчеты количества тяжёлых гардин, душащих этот дом как питон свою жертву».

«Сегодня был дивный, хоть и скромный обед. Моя бледно-хладная хозяйюшка соизволила откупорить бочку солонины. Бог знает, сколько она тут просаливалась, что ни сколько не повлияло на ее отменнейший вкус, а может и во все тому поспособствовало.

Как покончу со всем, смогу продавать сей секретный авторский рецепт городским поварихам:

Возьмите одну дубовую бочку, литров эдак 200, мяса сколько влезет да специй какие найдутся. Разыщите у чёрта на рогах один заброшенный дом с кладовкой и забросьте вашу бочку на несколько месяцев, а того лучше годков. Позабудьте насовсем про неё, да как отыщут ваш клад авантюристы посмелее – будет им пир.

Уж не знаю, то ли дело в том, что давно я уже не выдывал приличного куска мяса, то ли в смешавшей всё в моей голове темноте, но я заметил, что даже моя вечно постыющаяся хозяйюшка с другого конца длинного стола соблазнилась очаровательным запахом этого непритязательного блюда. Еще ни разу мне не удалось наблюдать ее кушавшей».

«Сегодня, прогуливаясь по археологическим развалинам сада, обрамленного 3 коваными ржавчиной скамейками, 2 расписными вазонами и бог весть сколькими засохшими колючками и щетинистыми кустами неизвестного сорта, а также 1 ничемным предупредительным колышком, меня вновь притянуло к зелёному краю, обрывающемуся горизонтом серой дали... Кошмар. Я вовсе не привык считать себя трусом, тем более трудно меня возмутить после всего мною пережитого и увиденного. Но есть что-то в этом мутном пейзаже, вызывающее во мне вопиющие треволнения. Словно ледяной ветер, прибирающий до самых костей. Надо бы выдернуть этот чёртов колышек и огородить там все каменным забором.

Вот ты стоишь на хлюпло-твердой земле, а один шаг — и ты распластан на дне пропасти. Или того хуже, разбит на кусочки об острые камни. Мне довелось увидеть всю глупину опасности лишь раз, но я никогда о ней не забуду. И всё же мне стало крайне любопытно, сколь высок уступ, на который мы закинута. Я осмелился приблизиться к краю обрыва и бросил вниз подобранный мною камень размером с кулак, но так и не услышал шум его столкновения с землей. Может, его поглотила эта плотная шапка тумана? Более находится там мои нервы не осилили.

И всё же я продолжаю терзаться вопросом, каким образом сформировался такой богом не пригретый ландшафт?

Моя робко-светлая подруга компанию в прогулках мне никогда не составляет. Когда я возвращаюсь, то нахожу её в том же месте и в той же позе, в которой оставил, будто время для неё останавливается на время моего отсутствия. Интересно».

«Сегодня я снова был покинут моей мило-мёртвой Прозерпиной. В дни после своего исчезновения она приплывает словно чёрная туча, вот-вот готовая пролиться дождем, а посему я не решаюсь расстраивать её сильнее расспросами о местах её периодического пребывания. Признаться, мне это и вовсе безразлично. Однако же я чувствую, что пропасть меж нами день ото дня понемногу смыкается, и, полагаю, вскоре смогу разговорить её. О, я в этом хорош.

Что ж, а пока, как говаривала одна моя знакомая, оставляя гостя одного на столь длительное время, хозяева очевидно осознают, что тем самым вынуждают его слоняться по дому, нет-нет да и заглядывая в их шкафы».

Обладая полной уверенностью, что не увидит призрака до следующего дня, первым делом Велиан направился в спальню Сильвана, которая была напротив его собственной. Она оказалась немного больше гостевой комнаты, покрытая навязчиво-зелёными обоями и обшитая панелями из темного дерева. На минуту Велиан призадумался, почему этот вид кажется ему знакомым, но подбежав к окну и выглянув за шторы, осознал, что стены спальни Макваллена в точности повторяют цвет травяного пейзажа за окном.

«Будто он сам набрал охапку зелени и размазал её по всей комнате. И как ему не надоела эта вяжущая природа? В остальном – несколько приличных костюмов, учебники по истории и праву на столе, плотно прижатому к углу, вероятно, чтобы задумчиво поглядывать в окно, книжка каких-то сказок и приключений, брошенная у кровати – неужто он увлекается подобным чтивом? Но ничего примечательного, как и ожидалось», – записал в журнале Велиан.

По соседству находилась детская, вторая по размеру после хозяйской спальни комната на втором этаже со стенами цвета пожухлого сена.

«Игрушки, шкафчики, засаленные книжки. И зачем было выделять под это отдельную комнату? Глупости».

В следующей за ней дочерней спальне с усеянными цветами обоями в тон капустного листа Велиан задерживаться тоже не стал, все же решив сохранить некое приличие.

«Две разбросанные по углам кроватки, шкафы и ленточки, туалетный стол, ничего боле».

А вот напротив – по соседству с гостевой – стояла царская хозяйская опочивальня, выделяющаяся из цветочного сумасшествия чистыми выбеленными панелями.

«С уверенностью могу заявить, эта комната мне по нраву».

Просторная кровать с воздушной периной и плотным балдахином из солнечных переливов, большой гардероб с дорогими платьями и костюмами индивидуального пошива, столик с пудрами, скляночками и даже на сегодняшний день модными духами, а также собственная ванная комната. Более остального Велиан задержался у стоящего у окна рабочего стола отца семейства. Рядом с ним притаился небольшой круглый женский столик с рукоделием.

«Вероятно, чтобы супруга могла мимоходом поглядывать, кому и что там чиркает её супруг или на какие суммы выписывает чеки. Ну уж нет».

Отцовский стол, вернее, его содержимое, был главным объектом интереса Велиана в этой комнате. Попеременно открывая ящики, которые никому даже не заблагорассудилось запереть на ключ, он аккуратно доставал кипу хранящихся там бумаг и документов, бегло изучая содержание: чековые книжки, счета, письма клиентов и партнеров, несколько заметок на незнакомых ему языках... Его зоркий глаз выцепил любопытный документ, выведенный стройным каллиграфическим почерком:

«Я, Юлиус Асканий Макваллен, находясь в здравом уме твёрдой памяти, согласно исключительному закону о наследовании по мужской линии, завещаю всё свое имущество, а именно:

-родовой особняк Маквалленов;

-прилегающие к особняку конюшни и содержащихся там 3 кобылы и 1 жеребца, а также крытую повозку со съёмной крышей;

-контору юридических услуг «Весы Фемиды»;

-все средства и ценности, хранящиеся на моих счетах в бумагах и в банковских ячейках,

а также прочее принадлежащее мне движимое имущество моему законному и единственному сыну Сильвану Юстициану Макваллену».

Велиан несколько раз перечитал список объектов наслед-

ства, вмуровав их в свою память, а затем тщательно переписал и не преминул отметить:

«Знал бы папаша Макваллен, как наплюёт сынок на его верно нажитое богатство».

Покончив со всеми ящиками, Велиан ювелирно разложил бумаги по своим местам, в точности как это лежало до него, и полностью стёр любые признаки своего присутствия. Делал он это, разумеется, не впервые.

Решив перед уходом всё же опробовать хозяйскую перину на вкус, он заприметил несколько нежно сложенных на прикроватном столике писем на имя Флавинии Макваллен – письма Сильвана, адресованные матери из военного лагеря. Велиану не было нужды их читать – он знал содержание практически наизусть, вынужденный по полночи выслушивать лепетания приятеля, постоянно перебирающего наиболее сладкозвучные сплетения слов и фраз, а также промежуточные и конечные редакции того или иного отрывка текста.

«Будто это не письмо домой, а сочинение на национальный конкурс драматической прозы».

Довольный своим обзорно-шкафным исследованием Велиан лежал в гостевой спальне, закинув ногу на ногу, и как литературный критик проходил по получившейся статье. В довершении своего документального изложения углов

особняка он приписал:

«Устаревшая, но рабочая система подачи воды. Судя по всему, земля, на которой мы стоим, испещрена грунтовыми водами. Электричества нет.

7 каминов. По одному в каждой из жилых комнат – комнаты прислуги я не считаю.

Похоже, прадед Макваллен и слыхом не слыхивал про печи и системы отопления, а может сотню лет назад их сюда попросту не довели. Радует только то, что местный климат пугает лишь зябью, но похоже не способен на действительно суровые морозы».

Велиан ехидно улыбнулся и покачал головой. Из окна на него посмотрела ночь, безоговорочно подчиняя своему покрову. Позже туманно-мягкое утро разбудило его едва уловимым запахом чая, прилетевшим с первого этажа.

– Расскажите о себе, – утомлённый одиночеством и молчанием начал разговор Велиан, восседая в обитом кровью кресле в гостиной и попивая чай.

– Рассказать о себе? – недоуменно повторила призрак.

– Да, о себе. Ну например, что вам нравится?

– Я... Я не знаю. Мне давно ничего не нравится... О, нет! Мне нравится проводить время с вами, – воодушевлённо подскочив в своем кресле, воскликнула Прозерпина.

– Это в высшей степени взаимно, милейшая Прозерпина.

Велиан никогда не скупился на комплименты, особенно в отношении юных девушек, но детская непосредственность призрака его и правда начала умилять. Однако при всём этом ему пока не удалось добиться от неё какой-либо дельной информации, а спрашивать напрямую он всё ещё не решался, боясь непредсказуемой реакции. Но несмотря на то, что путь его стал длиннее, тернистее и узловатей, цель была видна, и он как кошка на охоте делал мягкие шажки в её сторону.

– У вас такая богатая библиотека, вы, должно быть, так много читали!

– Хм, а ведь знаете, и правда. В детстве я мечтала перечитать все-все книги в нашей библиотеке, но, кажется, мне это уже так и не удастся, – призрак мелодично хихикнула, заметно оживившись (несмотря на всю иронию данной метафоры).

– И что же вы любили читать?

– О, всё подряд. Но, пожалуй, особой моей благосклонностью всегда пользовались сказки и мифы. Мне с детства так нравилось верить в волшебство и разных небывалых зверушек, как вы уже могли догадаться, – Прозерпина скромно потупила взгляд, – а вам?

– Мечтательным ребенком меня было трудно назвать, но в моем сердце всегда было место для веры в невозможное. Быть может, если бы у меня было столько прекрасных книг, и я бы охотнее верил в сказки, – Велиан не хотел говорить о себе и поторопился перевести тему обратно на Прозерпину,

пока она не успела задать свой следующий вопрос. – И все в вашей семье так же любят читать, как и вы?

– Вы даже не представляете, насколько! – её голос наполнился солнцем и ностальгией. – После обеда мы всегда собирались в этой самой гостиной, чтобы почитать. Матушка и батюшка сидели в этих креслах, а мы с Сильваном на тех стульях у окна. Когда появилась Ювенти, она всё время вилась под ногами у родителей, пыталась заглянуть к ним в книги и дулась, что не может ничегошеньки разобрать!

Велиан поддержал рассказ девушки легким смешком.

– А когда подросла, всегда сидела на коленях Сильвана и читала вместе с ним – он сам её научил. Иногда по вечерам мы собирались у камина, и батюшка рассказывал нам истории из древности – про царей, захватчиков, героев и философов. Я ещё не встречала никого, кто бы знал больше него!

– Хотелось бы и мне познакомиться с этим умнейшим человеком... Сильван говорил, он скончался прямо перед его уходом в армию, мне невероятно жаль.

Призрак мгновенно начала сникать, поэтому Велиан вернулся к более интересной ей теме.

– Полагаю, эта библиотека – дело рук вашего многоуважаемого отца? Не представляю, как же ему удалось собрать столько экземпляров! Мне показалось, я даже заприметил фолиант на греческом языке.

– Неужели вы знаете греческий?

– Мне приходилось знакомиться с некоторыми гречески-

ми текстами, однако в приличной степени освоить этот великий древний язык, к сожалению, не удалось – пришлось сменить перо и свитки на ружьё и сапоги.

В попытках впечатлить девушку Велиан делал довольно крупную ставку – он и слова не знал по-гречески.

– Просто потрясающе! А мне вот языки никогда не давались...

Ставка сыграла

– Это наш батюшка в совершенстве знал и латынь, и греческий, и даже несколько египетских иероглифов! Вы знаете, он ведь был самым известным юристом в нашей округе, а до этого и вовсе практиковал в столице, даже с министрами был знаком. Сильван пошёл по его стопам, должен был перенять всё его дело. Хотя, по правде вам сказать, думаю, ему это никогда не было интересно, но он не хотел разочаровать батюшку...

Призрак перебирала дымчатые локоны с задумчивой улыбкой.

– Что вы говорите! Сильван рассказывал, что учился в университете на юриста, лишь за малым не успев закончить последний курс, но я и не подозревал, что душа его к этому не лежит.

– Так и есть, да-да. Он бы никогда в этом не признался, ни одной живой душе, даже себе. Но я знаю Сильвана лучше него самого. Он как с детства был мальчишкой, влюблённым в лошадей, так им и остался, только росточком стал повыше.

Прозерпина рассмеялась серебряной трелью, отразившейся от каменных стен дома и прошедшей через Велиана. Ему понравилось это чувство, и он ответил ей тёплой улыбкой.

«На-те рас! Сколько раз я пытался попасть в самую никчёмнейшую гимназию, а этого паршивца силком затащили в лучшую академию в стране, и тот ещё был не рад! И всё благодаря его папаше. Нет, теперь я окончательно исполнился убеждения, что не зря...»

Поток мыслей был прерван внезапно переменившейся от смеха Прозерпиной.

– Даже не верится, что я вам так легко это рассказала, это ведь был страшный секрет. Если бы Сильван узнал, он бы... – глаза призрака захлестнуло волной пустоты, и она на глазах начала сереть. – Но ведь теперь это уже не важно. Ни Сильвану, ни батюшке, ни...

Прозерпина оборвалась и невидяще уставилась перед собой.

– Я...

Велиан душой и телом потянулся к ней, импровизированно подбирая мягчайшие слова утешений в надежде бережно укутать ими, словно тёплым одеялом в холодный зимний вечер. Но призрак резко поднялась и посмотрела на него отстраненными непонимающими глазами, словно впервые его увидела.

– Мне нужно уйти. Спокойной ночи.

Девушка растворилась, а пресный день, неспешно прогуливающийся за окном, мгновенно потемнел и крепко задремал.

Миловидный юноша с жёлто-карими глазами в ожидании нервно вышагивал по длинному деревянному коридору. Чтобы скрыть волнение в руках, он заложил их за спину и скорчил важную уверенную мину. Серый простой костюм ученика общественной гимназии был широковат и пыльным мешком висел на худых плечах. Остановившись перед отражением в стекле висевшей на стене картины, юноша старательно отряхнулся и пригладил непослушные кудри. Его взгляд пересекся с маленькими глазками, сидевшими на лысоватой круглой голове с пышными усами и неодобрительно смотревшими на него с портрета. Подпись гласила: «Клот Эвномий Юрий Дикес III, основатель четвертой государственной юридической академии имени Дикеса».

Это было далеко не первое учебное заведение, пороги которого обивали стёртые каблуки заношенных башмаков не по размеру юноши.

«На этот раз все точно получится», – проговаривал голос в голове, но вера начинала сдавать позиции, удерживаемая

лишь отважной целеустремленностью.

«Я уверен. После того инцидента с прошлым директором и одним из учеников, про который трубили в газетах и шептались в кулуарах, школа сильно потеряла в престиже и последние два года набирает вполтину меньше студентов. Они будут хвататься за каждого, кто обладает маломальским умишком и способностью сидеть над книгой, не отрывая зада. Я готов. Я ничем не хуже».

Одна из дверей, стоявших в коридоре одинаковым рядом спин, отворилась со старческим скрипом, и его пригласили зайти. Юношу усадили на стул посередине небольшого светлого кабинета. Перед ним за широким столом из дуба восседали двое усатых мужчин в очках с похожими зализанными прическами. Обоим было лет по 60 и, будучи зарытыми в бумагу и чернила, они даже не подняли взгляда на вошедшего.

– Кхм, господин Эрис, господин Адис, к вам кандидат в ученики.

Высокий молодой человек в шерстяном костюме с пышным галстуком – ассистент – коротко кивнул в сторону юноши и уселся за небольшой столик в другом конце кабинета, чтобы вести журнал.

Один из господ ненадолго оторвал усы от бумаги, чтобы осмотреть кандидата, хмыкнул в них и снова опустил.

– Имя, возраст, – хриплым голосом пробубнили усы.

– Велиан Фурхо, 16 лет, – звонко ответил юноша и задрал

повыше подбородок.

– Эта фамилия мне не знакома, а тебе Льюис?

– Впервые слышу, кто ваш отец? – продолжая что-то вычитывать, спросили вторые усы.

– Отца нет, господин м-м, кх-м, – юноша слегка замялся, боясь перепутать, а потому решил не обращаться по имени.

– А кто же ваша мать? – спросили первые усы.

– Матери нет, господин.

Господа закричали, как откормленные гуси, и переглянулись. Даже мальчишка ассистент оторвался от своего журнала и бесстыдно глазел на юношу.

– И где же вы учились? – спросил один из господ, обратно погрузив очки в чернила.

– Общественная государственная гимназия имени Обиди, лучший ученик выпуска. Имею рекомендацию от господина Апат, преподавателя общественного права и обязанностей.

Без запинки прочитал юноша уже столько раз отрепетированный текст. Тем паче, что, не совсем честным путем имея униформу, он понятия не имел даже как выглядит эта гимназия или господин Апат.

Гуси снова закричали и заёрзали в своих кожаных креслах.

– Молодой человек, видите ли, обычно мы берём в студенты выпускников частных лицеев, имеющих достойную базу, эдакую плодородную почву для взращивания ценнейших семян знаний, преподаваемых в нашей величайшей акаде-

мии, – словно читая трактат, монотонно начал нудеть один из гусей.

– Да, господин, но... – попытался вставить юноша.

– Традиционно, на первый курс академии имени Дикеса принимаются мальчишки 14 лет, которые 4 года усердно изучают право, историю и основы юриспруденции, чтобы, в конечном итоге, поступить в лучшие университеты и поддерживать престиж нашей старинной школы, – перебил своим нудением второй гусь, вторивший первому.

– Я понимаю, господин, но...

Казалось, голос юноши поглощала непроницаемая стена из усов и очков.

– Даже если вам удастся покрыть стоимость обучения за первый семестр, в чём я сомневаюсь, сможете ли вы хотя бы соответствовать базовому уровню нашей академии?

Вопрос был риторический и обращён другому гусю, который лишь пожал плечами, но юноша всё же ответил.

– Я бы хотел испросить возможности получить стипендию на обучение, – громче обычного произнёс юноша, чтобы его слова смогли пробить невидимый барьер за дубовым столом.

– Но, молодой человек, стипендия положена кандидатам совершенно исключительным, имеющим богатую родовую историю, которая способна поддержать статус нашего учебного заведения, но в силу определенных обстоятельств не имеющих возможность покрыть стоимость обучения.

Ещё более гнусаво прохрипели усы. Они, разумеется,

имели в виду отпрысков знатных бизнесменов и генералов, спустивших или пропивших свои состояния в период последнего экономического переворота.

«Да их увальни не способны отличить свод законов от поваренной книги», – прошипел в голове злобный голос, но вслух вкрадчиво, но достаточно звонко произнёс:

– Конечно, господин, посему позвольте представить вам мою рекомендацию, я хотел бы доказать...

– Думаю, мы слышали достаточно. Сириус, проводите молодого человека.

Усы снова опустились в устилавшие стол бумаги, уже позабыв о существовании золотоглазого юноши.

Глава 5

– Да что вы говорите! Неужели так и сказал?

Призрак восхищённо смотрела на Велиана с другого конца стола. Их разделяло всего пару метров.

– Ну разумеется! Как вскочил да начал отчитывать повара и дежурных: «Мы что же это вам, господа, полёвки бо-лотные? Зачем же вы нам сырые клубни подсовываете!»

Велиан встал с места и начал широко размахивать руками, подражая жестам Сильвана Макваллена.

– А потом пошёл и сам на весь взвод напёк картошки на углях. Парни с тех пор так и кликали его «Шеф».

Прозерпина звонко хохотала, приводя в резонанс бездушные каменные стены особняка. Велиану нравился её смех. Он заметил, что более прочего её развлекали и приводили в восторг истории о брате, а потому он, не скупясь, выкладывал их из закровов памяти, в то же время умело дозируя, словно десерт после обеда. Некоторые из них были правдой, некоторые почти правдой. Это не имело значения для Велиана, который лукаво смотрел на девушку-призрака, чьи щёки зарумянились, а волосы колыхались солнечным переливом. Могло ли это быть на самом деле?

– Сильван никогда не был выборочен в еде, но всё же, полагаю, великолепные обеды миссис Помон его избаловали. Меня всегда восторгала её способность превратить грязные

корешки в роскошное рагу или горсть лесных грибов в питательный суп. В детстве я думала, что она добрая волшебница, которую батюшка привез из своих странствий, чтобы оберегать нас. Так, впрочем, и было.

Прозерпина привычно перебирала локоны, периодически поднимая взгляд на Велиана, сидящего напротив.

– И вправду? Как необычно, а её имя не показалось мне иностранным.

– Ну что вы, это я все фантазирую. Миссис Помон из города, она там жила с семьёй, но часто оставалась у нас. Иногда с ней приезжала её дочь Фия, чтобы помогать с уборкой и хозяйством миссис Гест, нашей нянюшке и домработнице. И как бы они с мистером Эпсом не бранились, он всегда привозил и увозил её от порога до порога. Бывало, миссис Помон весь день могла его погонять, словно собака кошку, а он её в ответ, но потом они, всё также гавкаясь всю дорогу, ехали в город до дома миссис Помон, чтобы она провела время с семьёй. Мистер Эпс после этих поездок возвращался всегда особенно довольный, всё хмыкал себе в усы словцы позадиристее про неё, а улыбался при том.

– Вы так трепетно говорите о всей вашей прислуге – весьма необычно для господ вашего статуса.

– Ах, ну как же иначе, они все часть нашей семьи. По-другому и быть не может! – недоумевая, ответила Прозерпина.

– К сожалению, может. Я рос в доме, где к прислуге относились как к скоту, – честно сказал Велиан.

– Мне так жаль, что вам пришлось наблюдать подобное...

Он нарочно не стал её поправлять – ему приходилось в этом ещё и участвовать.

– Я совершенно не подумала о том, что ваше детство было не таким счастливым, ведь вы сирота. Кичусь перед вами нашими историями, а вам, должно быть, больно это слышать. Я глубочайше извиняюсь, – полная волнения воскликнула Прозерпина с напылением сочувствия и страха в глазах.

Терпеть этот взгляд было невыносимо.

– Ну что вы, что вы, я предпочитаю прошлое оставлять в прошлом. А ваши истории воистину наполняют меня теплом и уютом, потому призываю продолжать. Более того, мне доставляет истинное удовольствие наблюдать вас такой радостной.

Призрак зарделась ещё более прежнего, практически лишаясь своей потусторонней прозрачности.

Утратив в особняке Маквалленов время, пространство и свободу мысли, юноша начинал всё сильнее погружаться в туман, постепенно переставая ему сопротивляться. Это было легче, это казалась естественным, это даже нравилось. Но были и неприятные последствия – туман проникал всё глубже, оживляя в памяти картины давно забытого прошлого, потаенные в самых неприступных и далёких недрах души. Он открывал любые замки и не замечал замурованные двери, за которыми они были надёжно упрятаны их владельцем.

Своими длинными щупальцами туман вытягивал их одну за другой и выталкивал наружу – эти картины подкатывали ко-мом в горле, выступали холодным липким потом, пятнились в глазах.

И единственным спасением от уже не принадлежащих ему мыслей были разговоры с призрачной Прозерпиной. Они ка-зались ни о чем, но при этом были о многом. Велиан жил встречами с ней. Прозерпина была самым нереальным во всем происходившем с ним в этом непонятном доме, но она же была и самым настоящим.

– Получается, вы прошли всю войну – от и до?

Прозерпина смущённо сидела в кресле с чашкой чая. За-бывшись в разговоре, она вальяжно подогнула под себя но-ги, распластавшись полулежа, но, осознав присутствие гостя, смутилась и села прямо. Велиана это позабавило, но ради приличия он сделал вид, что не заметил.

– Да, так и есть. 9 января, как вы знаете, стало всеобщей датой начала войны, я тогда отбыл по важному делу и узнал обо всем не сразу. Но когда эта жуткая весть долетела до ме-ня, она буквально пошатнула землю, на которой я некогда твердо стоял.

И это была правда. Такие события не обходят никого – единицы возвышают, миллионы губят, кому-то позволяют проявить себя, других хватают своей камуфляжной лапой и прижимают к земле острыми когтями, не давая ни выбора,

ни свободы, ни надежды.

Велиан относился к последним. Война настигла его именно тот в период жизни, когда наивно казалось, что он сумел наконец нащупать твёрдую почву небольшой конторы юридической практики, принять уверенную стойку ассистента юриста и был готов вот-вот пустить корни своего ума и таланта, и тогда – война. Война хлестала его по щекам, война пробивалась сквозь щели в окнах и выла по ночам в каждом переулке, война была в стуке в дверь и в идущих навстречу прохожих.

Он много вспоминал и анализировал то время – могло ли все случиться для него по-другому? Чем же он выдал себя? Может, настороженным бегом глаз? Судорожным вскакиванием от каждого скрипа двери? Чрезмерной осторожностью? Что бы то ни было, вопреки своей воле он оказался словно пёс на цепи, дрессируемый и раздражаемый свистом пуль, спущенный в самом конце лишь с одной целью – умереть. Но нет – Велиан был слишком озлоблен, слишком самовлюблен, чтобы просто принять и уйти.

Мир отпускает легко только лучших – за низших он держится до последнего.

– Ах, я вас понимаю! Видели бы вы, как эта новость сотрясла наш дом, что было...

Прозерпина резко оборвала свой не успевший начать-

ся рассказ, позволяя Велиану продолжить. Вероятно, она осознавала свою привычку забалтываться, забываясь в собственных воспоминаниях, но с каждой новой встречей всё более внимательно следила за собой и за гостем, заморожённо вслушиваясь в каждый исходивший от него звук и ловя каждый жест.

– Не представляю, чтобы подобное известие оставило кого-то равнодушным. Я, разумеется, без лишних колебаний сразу понял, чего от меня требует долг перед Родиной. Как и любой другой достойный мужчина я, уладив все свои дела, добровольно вступил в ряды солдат. Ради долга, чести и дома.

– Вы не поверите! И Сильван говорил ровно так же, – изумлённо восхищалась смелостью и достоинством молодого человека призрак.

Ну разумеется, Сильван так говорил. Сам бы Велиан такую напыщенную чушь не придумал.

– Уже в марте мы стояли плечом к плечу с вашим высокоуважаемым братом на первых построениях...

15 марта – Велиан абсолютно чётко помнил дату начала своего ужаса.

– Как только я его увидел, подумал: «Вот это славный малый. С таким другом ни за что не пропадёшь». Да и не было таких, кому Сильван не пришёлся бы по душе с его-то задорным и дружелюбным характером. Мы сразу же сдружились и поклялись держаться до конца, прикрывать спины друг дру-

га и подставляя плечо в нужную минуту.

– Я так рада, что у Сильвана был такой верный и достойный друг, как вы.

Прозерпина смотрела на Велиана с уважением и благодарностью, а он в ответ, улыбаясь, глубоко кивнул ей, изображая поклон.

– Благодарю за ваши слова, но уверяю, это мне повезло знать такого благородного и отважного человека, как ваш брат. И лишь об одном я жалею – что нам обоим не хватило моей удачи, чтобы вернуться из этого рокового похода.

При всей ненависти и страхе, которые навсегда оставили отпечаток кошмаров, только из-за всего того, что произошло, Велиан оказался в этом странном, но состоятельном доме с этой призрачной, но такой прекрасной девушкой. Он как никогда был близок тому, чего всегда желал. Быть может, липко-ужасающие ночи и не такая высокая плата за мечту.

– Я... – Прозерпина опустила глаза в остывшую глянцевую поверхность чая. – Я рада, что вы здесь.

– И тогда Аид, увидев цветущую красоты Персефоны, решил тотчас похитить её...

Худая рука из полупрозрачного пергамента, принадлежавшая темноволосой женщине, трепетно перевернула стра-

ницу потрёпанного томика.

Подогнув под себя ноги, женщина сидела на соломенном тюфяке, одетом в искусанное заплатками тёмное покрывало. Вместо подушки ложе венчало зашитое в тряпки зимнее пальто – зимой спалось не так мягко, ведь перед сном оно надевалось на себя. Даже лёжа, при малейшем шевелении прогнивший деревянный пол начинал жалобно скулить, но женщина ни разу не шелохнулась – её вообще словно здесь не было. Не было её выцветшего бежево-бурого или серо-голубого платья, не было расплывчатых черт лица, не было то ли тёмно-зелёных, то ли орехово-карих глаз.

– Мам, ну хватит, ты уже читала эту глупую историю. Они все скучные и ненастоящие.

Мальчик лет двенадцати, сидевший у коленей женщины на полу, раздраженно закатил глаза и попытался захлопнуть книгу в руках матери.

– Ну почему же ненастоящие? Да, это мифы, но в жизни тоже встречаются и отважные герои, и невероятные чудеса...

Женщина убрала книгу подальше, чтобы сын не мог дотянуться, и любовно погладила шершавые буквы.

– И эгоистичные боги, – буркнул себе под нос мальчишка и демонстративно отвернулся. – Что же в них настоящего, когда они там целыми днями пируют и танцуют на солнечных полянах, а мы спим на полу и довольствуемся жидкой похлёбкой.

Мальчик так и не повернулся к матери, но спиной почув-

ствовал, как она расплылась в ласке и сочувственной улыбке, намереваясь приобнять сына сзади. Это взбесило его ещё больше, он встал и отошёл к крошечному окну, висевшему прямо под скатами низкой крыши.

Шум и грязь, пышущие весельем в более престижных районах города, прельщали его больше шума и грязи, смиренно лежащих на чердаке, который служил ему «домом». Педантично расправив рукава заношенной рубашки и отряхнув короткие брючки, ребёнок стал вглядываться в элегантно одетых прохожих, вырывая их из толпы и гадая, из скольких блюд состоял их последний обед и какого цвета платье они наденут на предстоящий променад.

– А как же любовь? Любовь – это самое что ни на есть настоящее и при том самое невероятное и сказочное явление! Давай продолжим читать, и ты увидишь... – женщина уже опустила глаза обратно в строки.

– Да знаю я, что там будет дальше. Её похитят, а потом спасут, и будет она жить то с живыми, то с мертвыми. Всё это бессмысленно. Если она любила Аида, то должна была остаться с ним в его царстве, а если хотела быть с родными, то жить на земле, – не отводя взгляда от окна, мальчишка холодно кинул это через плечо, снова скептически закатив глаза.

– Но ведь чувства не так просты. Мы не всегда можем быть с теми, кого любим...

Взгляд женщины наполнился сладкой печалью и ускольз-

нул за пределы книги и этой крошечной комнаты.

– И тогда всё, что нам остается, это устремляться к ним нашим сердцем и душой, где бы они ни были, даже в другие миры! Иногда это настолько далёко, что здесь от нас почти ничего не остается и мы бродим словно...

Но мальчик уже не слушал блаженную тираду женщины. Он смотрел в крошечное окно и думал о том, как больше никогда не спать на полу и не есть жидкую похлёбку.

– Идёмте же, вот – обопритесь на мою руку.

Медленно и без резких движений Велиан приоткрыл дверь, ведущую на задний двор, и повернулся к призраку с приглашающим жестом. Прозерпина боязливо переводила взгляд с протянутой к ней руки на пробивающийся через открытую дверь осколок внешнего мира, по непонятной Велиану причине не решаясь встретиться с ним.

– Быть может, будет лучше вам пойти без меня. А я тем временем подожду вас в гостиной, заварю чаю...

– О, моя милая, вы просто не можете отказать мне в прогулке в такой дивный день, – не без сарказма, но весьма дружелюбно ответил Велиан, смело беря её под фаянсовый локоток и плавно подводя к выходу.

Сегодня металлическое полотно небосвода и правда было

немного легче, а может затуманенному взору и разуму это уже просто казалось в попытках вырваться из скуки непрерывного цикла. Велиан старался всё время проводить с Прозерпиной. Причина тому – страх и нежелание оставаться лицом к лицу со своими мыслями и страхами, а может в глубине его мира уже начинал теплиться уголёк чего-то иного – Велиан не зарывался в размышления на эту тему и просто поступал так, как веяло.

Призрак отвечала ему, всё реже, практически никогда более не оставляя его одного. Её постоянное присутствие было подобно прохладной ключевой воде, а он сам был путником, который вышел из пустыни и никак не мог напиться, но воздуха ему всё же не хватало.

Безвольно поддаваясь его влиянию, Прозерпина тихо ступила пару шагов по моховому ковру и остановилась. Продолжая мягко поддерживать её, Велиан остановился рядом и пристально наблюдал за ней. Оценив, что этого времени должно было хватить ей попривыкнуть, он двинулся дальше, направляя спутницу вглубь бедного сада. Но, неожиданно оцепенев, призрак вырвалась из его бережной хватки и, словно увидев ужас во плоти, ринулась обратно к дому, всем станом прильнув к двери и прижавшись лбом к холодному витражному стеклу, украшавшему её верхнюю часть.

Велиан, с трудом сдерживая свои расстроенные чувства, подошел к ней и тяжело втянул влажный воздух.

– Я не могу судить о ваших страхах, а тем более о вашей боли, но всё же заверяю вас, что моё плечо всегда в вашем распоряжении – будь то для опоры, защиты или слез.

Велиан положил тёплую ладонь на спину Прозерпины, отчего она вздрогнула, словно выходя из транса. Она слегка отринула от укрывающей её двери, но продолжала держаться за неё руками, нервно водя пальцем по узорам на стекле. Молчание заглушило всё более, чем на минуту.

– Как красиво.

Заметил Велиан, обращая внимание на золотистые лозы, увивающие поверхность дверного стекла, которые Прозерпина медитативно прорисовывала кончиком своего пальца.

– Что? – спросила она, вероятно не осознававшая ни место, в котором находится, ни движения, которые совершает.

– Этот узор, – Велиан аккуратно коснулся завитка, – очень тонкая работа, и краска даже не потемнела. Я не замечал его ранее.

Взгляд Прозерпины наконец-то обрёл ясность и сфокусировался. Теперь она осознанно, любовно провела рукой по стеклу.

– Это... это моя работа, – губы её подернулись улыбкой. – Сильван привез мне баночку этой невероятной золотой краски на день рождения. Выменял у какого-то своего приятеля за карманные часы. Отец хотел было его выругать, но, увидев мои горящие глаза, видимо смягчился.

Она простояла так ещё несколько секунд, продолжая улыбаться собственным воспоминаниям, а потом с силой оттолкнулась, подошла к Велиану и вложила свою руку ему под локоть, целеустремленно глядя вперед.

– Давайте же пройдемся, день сегодня и верно чудный.

После короткой и малосодержательной прогулки Прозерпина весь день пребывала в несвойственном нервном возбуждении. Обойдя сад по периметру пару раз и посидев в молчании на лавочке, которую Велиан предварительно обмахнул своим платком, молодые люди вернулись в гостиную и расположились на стульях у большого окна, погружённые в собственные мысли. Заразившись от своей спутницы необъяснимым неврозом, Велиан встал и начал вышагивать по комнате, окидывая отсутствующим взглядом убранство комнаты.

С тех пор, как он здесь оказался, оно не изменилось ни капли, будто ничьё живое присутствие до неё так и не дотянулось. Даже оставляя с вечера кресло повернутым или придвинутым ближе к камину, чашку на столе, перевёрнутый пуф, на утро Велиан всегда находил их неизменно на своем первоначальном месте, что всегда заставляло его сомневаться, действительно ли вчерашний день был и не теряет ли материю его дух. Что-то в этом фундаментальном непреклонном постоянстве успокаивало, но в то же время он чувство-

вал себя словно замурованным в ледяной глыбе или мухой, заточённой в янтарной смоле – застывшим в пространстве и времени, дрейфующем в тёмных серых водах без ориентира и света...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.